

День первый.

ВВЕДЕНІЕ

Въ которомъ авторъ поясняетъ, по какому случаю лица, о коихъ рѣчь впереди, собрались, чтобы рассказывать новеллы и затѣмъ подъ предсѣдательствомъ Пампиевъ бесѣдовать о томъ, что кажется наиболѣе пріятнымъ для каждаго.

Каждый разъ, когда, погруженный въ свои мысли, я вспоминаю о томъ, мои дорогія дамы, на сколько всѣ вы склонны отъ природы къ состраданію, — я убѣждаюсь, что начало моего повѣствованія должно показаться вамъ печальнымъ и скучнымъ, потому что оно касается минувшаго чумнаго времени, столь ужаснаго для всѣхъ, кто пережилъ его или хотя бы слышалъ объ этомъ бичѣ. Но я не хотѣлъ бы, чтобы вы испугались и бросили книгу въ самомъ началѣ, не ожидая отъ нея ничего кромѣ вздоховъ и слезъ. Напротивъ, я хочу, чтобы это ужасное начало было для васъ подобно крутой скалистой горѣ, за которой открывается чудная равнина, тѣмъ болѣе пріятная путнику, чѣмъ больше его утомилъ подъемъ на гору. И какъ чрезмѣрная радость кончается часто печалью, такъ за перенесенными невзгодами слѣдуютъ новыя радости.

Послѣ краткой неприятности (я называю ее краткой, потому что она заключается въ нѣсколькихъ словахъ) и здѣсь непосредственно слѣдуетъ удовольствіе и утѣха, которыя я вамъ общалъ и которыхъ вы быть можете не ожидали бы послѣ такого вступленія, если бы не были объ этомъ предупреждены. Говоря по правдѣ, если бы я могъ повести васъ туда, куда мнѣ хочется, по легкой дорогѣ, а не по утомительной и скучной стезѣ,—то охотно сбѣжалъ бы это. Но безъ слѣдующаго ниже воспоминанія я не могъ бы объяснить ходъ событій, о которыхъ вы будете читать, и поэтому писать именно такъ, а не иначе заставляетъ меня необходимость.

И такъ, знайте, что въ тѣло отъ воплощенія Сына Божія тысяча триста сорокъ восьмое въ славномъ городѣ Флоренціи, прекраснѣйшемъ изъ всѣхъ италянскихъ городовъ, появилась чума. Подъ влияніемъ небесныхъ свѣтилъ или вслѣдствіе справедливаго гнѣва Божія на наши пороки, но бичъ этотъ начался уже на нѣсколько лѣтъ раньше на востокѣ, уничтоживъ тамъ массу народа, а затѣмъ, неудержимо подвигаясь съ одного мѣста на другое на западъ, распространился съ ужасающей свирѣпостью на нашу несчастную страну.

Тутъ не помогало ни человеческое искусство, ни мѣры предосторожности, хотя тотчасъ же были приставлены спеціальныя люди для удаленія изъ города нечистотъ, городскіе ворота были для больныхъ закрыты, и неоднократно почтенныя богобоязненныя лица совершали смиренныя молитвы, крестные ходы, богоугодныя дѣла и т. п., но все было напрасно — уже съ ранней весны чума начала ужасающимъ образомъ производить опустошенія, при чемъ она выражалась въ иной формѣ чѣмъ на востокѣ, гдѣ носовое кровотеченіе было вѣрнымъ предвѣстникомъ неминуемой смерти. Здѣсь у лицъ обоего пола въ началѣ болѣзни въ паху или подъ мышками появлялась опухоль, у однихъ величиной съ яблоко, у другихъ не болѣе лица; опухоли эти простой народъ называлъ желваками. Въ короткое время они распространялись съ указанныхъ мѣстъ по всему тѣлу. Послѣ этого явленія болѣзни измѣнялись: на рукахъ, на бедрахъ и по всему тѣлу появлялись темныя желтыя пятна. У нѣкоторыхъ они были большого размѣра и въ незначительномъ количествѣ, у другихъ же мелкіе, но за то слитныя и подобно тому какъ раньше, а у нѣкоторыхъ и теперь, опухоли были предвѣстниками смерти, такъ и пятна эти являлись безпощаднымъ смертнымъ приговоромъ. Казалось, передъ этими симптомами были бессильны и искусство врача и дѣйствіе лѣкарства. Потому-ли, что самый характеръ болѣзни былъ таковъ, или по невѣжеству врачей, число коихъ сильно увеличилось и состояло изъ мужчинъ и женщинъ, не имѣющихъ понятія о медицинѣ, не понимающихъ теченія болѣзни и не знающихъ слѣдовательно дѣйствительныхъ средствъ для борьбы съ нею, но фактъ тотъ, что почти никто не выздоравливалъ, большинство же умирало уже на третій день послѣ появленія упомянутыхъ признаковъ, одни раньше

другіе позже, приче́мъ у больныхъ почти не наблюдалось лихорадочныхъ или другихъ побочныхъ явленій.

Чума эта была тѣмъ ужаснѣе, что она передавалась очень быстро отъ больного къ здоровымъ, которые приходили съ нимъ въ общеніе, подобно тому, какъ огонь передается сухимъ и жирнымъ предметамъ, находящимся по близости. Но еще хуже было то, что здоровые заболѣвали, не только находясь подлѣ больныхъ, но и дотрогиваясь къ одеждѣ или вещамъ, къ которымъ послѣдніе раньше прикасались. То, что я хочу сейчасъ разсказать по этому поводу, кажется почти невѣроятнымъ, и если бы я самъ и многіе другіе не были свидѣтелями этого случая, я врядъ ли повѣрилъ бы, хотя бы слышалъ о немъ отъ заслуживающихъ довѣрія людей. Прилипчивость болѣзни была до того сильна, что она легко передавалась не только отъ одного человѣка къ другому, но и вещи заболѣвшихъ или умершихъ отъ чумы заражали даже животныхъ (о людяхъ я и не говорю), которыя гибли въ самый короткій срокъ. Въ этомъ я, какъ только-что упомянулъ, самъ однажды убѣдился. Ключья одежды одного бѣдняка, погибшаго отъ чумы, были выброшены на улицу; къ нимъ подошли двѣ свиньи и стали по своей привычкѣ рыть и трепать ихъ зубами. Не прошло и часа какъ онѣ пали въ судорогахъ мертвыми на лохмотья, точно наѣвшіе яду.

Подобныя и еще болѣе ужасныя случаи вызвали такую панику у оставшихся въ живыхъ, что у нихъ явилось жестокое рѣшеніе убѣгать какъ отъ больныхъ, такъ и отъ ихъ вещей, и въ этомъ каждый видѣлъ единственное средство спасенія.

Нѣкоторые были того мнѣнія, что лучшій способъ избѣжать зараженія заключается въ умѣренномъ образѣ жизни и воздержаніи отъ всякихъ излишествъ. Они составляли небольшіе кружки, которые держались въ сторонѣ и устранивались въ такихъ домахъ, гдѣ еще не было заболѣваній. Здѣсь они жили, держась строгаго режима, потребляя въ самомъ незначительномъ количествѣ изысканнѣйшія блюда и лучшія вина, воздерживались отъ малѣйшаго излишества, не встрѣчались ни съ кѣмъ изъ постороннихъ и не хотѣли ничего слышать объ умершихъ и больныхъ, а занимались музыкой и развлекались какъ могли.

Другіе, бывшіе противоположнаго мнѣнія, утвержали, что лучшее средство противъ ужаснаго зла—это пить и веселиться, ходить повсюду съ пѣснями и плясками, не думая о будущемъ, и трунить надъ всѣмъ, что совершается вокругъ. Такъ они и дѣлали,—шатались день и ночь по всѣмъ трактирамъ и пили безъ мѣры. Такимъ же образомъ они проводили время въ чужихъ домахъ, если узнавали, что это будетъ имъ удобно.

Это было нетрудно, потому что многіе жители убѣгали съ семьями изъ города, оставляя свои дома на произволь судьбы, такъ что всякій, кто хотѣлъ, могъ занимать опустѣвшія жилища и распоряжаться въ нихъ какъ у себя дома. Однако, ведя такой скотскій образъ жизни, люди эти по возможности избѣгали сношеній съ больными.

При такомъ бѣдственномъ положеніи нашего несчастнаго города сила законовъ какъ человѣческихъ, такъ и Божескихъ почти совершенно исчезла, потому что ихъ стражи и исполнители, какъ и прочіе жители, либо умерли, либо были больны или покинуты своими домашними, такъ что никакъ не могли исполнять своихъ служебныхъ обязанностей; такимъ образомъ, каждому предоставлялась возможность поступать, какъ ему угодно.

Многіе избрали себѣ образъ жизни, какъ-бы средній между двумя вышеуказанными... Они не ограничивали себя какъ первые, но и не предавались излишествамъ какъ другіе, а жили умѣренно, удовлетворяя всемъ своимъ потребностямъ. Въмѣсто того, чтобы заператься въ уединенныхъ домахъ, они ходили всюду, нѣкоторые съ пучками цвѣтовъ и душистыхъ травъ, другіе съ различными снадобьями въ рукахъ, которыя они часто нюхали, считая это полезныхъ средствомъ для укрѣпленія мозга, такъ какъ воздухъ былъ наполненъ отвратительными испареніями отъ труповъ, отъ больныхъ и различныхъ лѣкарствъ.

Иные были еще эгоистичнѣе и говорили, что лучшее средство спастись отъ чумы—это бѣжать отъ нея. Прийдя къ такому заключенію и не заботясь ни о комъ, кромѣ себя, многіе мужчины и женщины покинули городъ, бросая на произволь судьбы свои дома, жилища, имущество, родныхъ, и убѣгали на чужбину или въ крайнемъ случаѣ селились за городомъ въ своихъ имѣніяхъ, какъ будто бы, гнѣвъ Божій, принесшій чуму въ наказаніе людямъ за ихъ грѣхи, не могъ слѣдовать за ними, а ограничился исключительно тѣми, кто находится въ стѣнахъ города, желая обречь на гибель городское населеніе, послѣдній часъ котораго теперь наступилъ.

Хотя не все люди, державшіеся этихъ различныхъ взглядовъ, погибли, но и не все остались въ живыхъ. Однако, когда многіе изъ нихъ заболѣвали, то по примѣру, который они раньше сами показывали, оставшіеся теперь здоровыми покидали ихъ, и они умирали въ полномъ одиночествѣ.

Въ концѣ концовъ, сосѣдъ оставлялъ безъ помощи сосѣда, знакомые и родственники очень рѣдко или вовсе не посѣщали другъ друга и избѣгали встрѣчь. Но этого мало: паника настолько обуяла всехъ, что брать покидалъ брата, дядя племянника, сестра брата и даже часто жена мужа и, что еще болѣе невѣроятно, родители оставляли на произволь судьбы своихъ собственныхъ дѣтей, какъ будто они были имъ чужіе. Поэтому для огромнаго большинства больныхъ мужчинъ и женщинъ не было иной помощи и поддержки, какъ состраданіе друзей (и такихъ было мало) и алчность наемныхъ служителей, которыхъ удавалось прельщать непомерно высокою платой. Не смотря на выгодныя условія, число желающихъ все-таки было не велико, и большинство изъ нихъ были люди грубые и непривычныя къ такого рода службѣ, такъ что они только и умѣли принять и подать что требовалъ больной, да убрать его,

когда онъ умиралъ; они хорошо зарабатывали, но многимъ это занятіе стоило жизни.

Вслѣдствіе того, что больныхъ покидали сосѣди, родные и друзья, а прислугу было трудно найти, въ обычай вошла неслыханная раньше вещь: не было ни одной женщины, какъ бы молода и красива она ни была и какому бы знатному роду она ни принадлежала, которая затруднялась бы, въ случаѣ заболѣванія, брать въ услуженіе мужчину, все равно молодого или стараго, и обнажать предъ нимъ свое тѣло, какъ въ присутствіи женщины, если этого требовала болѣзнь. Вслѣдствіе этого многія изъ выздоровѣвшихъ становились вполнѣ стѣдливыми и цѣломудренными. Многіе люди погибли только изъ за отсутствія надлежащаго ухода и помощи. Въ концѣ концовъ, отъ самой болѣзни и отъ недостаточнаго присмотра въ городѣ ежедневно умирало такое множество людей, что страхъ бралъ не только очевидцевъ, но и слышавшихъ объ этомъ.

Среди пережившихъ мало по малу укоренились новыя привычки, совершенно непохожія на древніе обычаи флорентинцевъ. Въ прежнее время умирающаго окружали женщины, родныя и сосѣдки, которыя плакали, собравшись вокругъ его постели, передъ домомъ покойника собирались сосѣди, родственники и граждане, а также въ большемъ или меньшемъ числѣ, въ зависимости объ общественнаго положенія покойника, духовенство. Постѣ этого мужчины одинаковаго съ нимъ положенія брали покойника на плечи и несли его въ торжественномъ шествіи со свѣчами и пѣніемъ въ ту церковь, которую онъ самъ избралъ передъ смертью.

Все это въ разгарѣ чумы почти совсѣмъ или большей частью измѣнилось, и появились совсѣмъ другіе обычаи. Теперь нѣкоторые умирали, окруженные очень немногими женщинами, многіе же отходили въ вѣчность совершенно одинокими, и только единичнымъ личностямъ соотраданіе и прощальныя слезы облегчали тяжкую минуту кончины. вмѣсто этого повсюду слышались смѣхъ и веселья сборища, къ которымъ векорѣ начали примыкать якобы въ интересахъ здоровья и женщины, заглушившія свою природную сердечность. Рѣдко встрѣчали покойника, сопровождаемаго въ церковь болѣе, чѣмъ 10—12 сосѣдами, и несли его не достойные и почтенные люди, а простые носильщики, вербовавшіеся изъ подонковъ общества. Они назывались *чумниками* и получали за свою работу плату. Последними шагами тащили они покойника не въ избранную имъ церковь, а въ первую попавшуюся, при чемъ впереди шли съ немногими свѣчами не болѣе четырехъ или шести бѣдныхъ священниковъ, которые не утруждая себя долгими молитвами приказывали быстро опускать тѣло въ первую свободную могилу.

Судьба простого народа и даже лицъ средняго сословія была еще печальнѣе. Частью уповая на милость Божію, частью по причинѣ бѣдности они оставались въ своихъ жилищахъ и заболѣвали тысячами и

почти всё погибали безъ ухода и помощи смертью, поистинѣ достойной жалости. По утрамъ ихъ трупы находили у воротъ домовъ или прямо посреди улицы и накладывали по двое трое заразъ на одні носилки. Нерѣдко случалось даже, что на однихъ носилкахъ уносили мужа и жену, отца и сына, двухъ или даже трехъ братьевъ; очень часто два священника съ крестами являлись, чтобы проводить усопшаго, и находили три или четыре носилки съ трупами, при чемъ носильщики становились одни за другими, такъ что вмѣсто одного священники хоронили шесть, восемь а иногда и больше человѣкъ. Ихъ не сопровождали ни родные, ни знакомые, ни свѣчи, ни рыданія. Дошло до того, что на покойника обращали такъ же мало вниманія, какъ на издохшую козу.

Окрестныя деревни были въ такомъ же ужасномъ положеніи. Безъ врачебной помощи, безъ ухода прислуги бѣдные несчастные крестьяне погибали днемъ и ночью со своими семьями въ фермахъ, на дорогахъ и на поляхъ. И они подобно горожанамъ измѣнили свой строй жизни,—перестали интересоваться своими дѣлами и даже имуществомъ; ожидая со дня на день смерти, они не думали ни о работѣ, ни о сборѣ посѣвовъ, а старались всячески израсходовать имѣющіеся запасы. Рогатый скотъ, ослы, овцы, козы, домашняя птица и даже вѣрный другъ человѣка—собаки выгонялись со двора и слонялись безъ присмотра по полямъ, гдѣ стоялъ еще неубранный хлѣбъ. Многія изъ животныхъ

побродивъ цѣлый день по окрестностямъ возвращались вечеромъ домой, безъ пастуховъ, слѣдуя лишь своему инстинкту.

Но возвратимся снова къ городу. Здѣсь по суровому приговору неба, а можетъ быть и по причинѣ людской жестокости втеченіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ погибло свыше ста тысячъ человѣкъ. До появленія чумы не думали, что во Флоренціи было столько живыхъ, сколько теперь оказалось умершихъ.

О! сколько огромныхъ дворцовъ, прекрасныхъ домовъ, роскошныхъ квартиръ, населенныхъ многочисленными семьями и знатными людьми, опустѣло: вымерли все до послѣдняго слуги! Сколько знатныхъ фамилій, огромныхъ наслѣдствъ, большихъ богатствъ осталось безъ наслѣдниковъ!

Сколько знатныхъ мужей, прекрасныхъ женщинъ и цвѣтущихъ юношей, которыхъ самъ Галенъ, Гипократъ или Эскулапъ признали бы образцомъ здоровья, сидѣли за обѣдомъ со своими родными, знакомыми и друзьями, а вечеромъ ужинали въ другомъ мѣстѣ со своими предками!

Оставимъ однако эти ужасныя воспоминанія и, чтобы перейти къ сути дѣла, скажемъ лишь, что нашъ городъ былъ такимъ образомъ покинутъ почти всеми жителями.

Однажды, во вторникъ утромъ, какъ я слышалъ отъ лицъ достойныхъ довѣрія, въ новой церкви Святой Маріи послѣ службы, когда тамъ почти никого не было, осталось семь молодыхъ дамъ, все въ траурныхъ платьяхъ, какъ это подобало въ такое время. Онѣ все были связаны другъ съ другомъ узами родства, либо дружбы, все благороднаго происхожденія, прекрасныя, умныя и честныя. Старшей было не больше двадцати, восьми, а младшей восемнадцать лѣтъ. Я могъ бы назвать ихъ настоящими именами, если бы не боялся ихъ скомпрометировать тѣмъ, что онѣ рассказывали, что выслушивали и что вы узнаете изъ этой книги.

Но для того, чтобы ихъ не смѣшивать между собой во время повѣствованія, я далъ имъ вымышленныя имена, болѣе или менѣе соответствующія характеру каждой. Итакъ, самую старшую я назову Пампинеей, вторую — Фіаметтой, третью — Филоменой и четвертую — Эмилией; пятая пусть называется Лауретта, шестая — Неифиле, а послѣдняя (не безъ причины) — Элизой.

Онѣ сошлись безъ всякаго уговора совершенно случайно и, составивъ кружокъ, долго вздыхали, бесѣдуя о несчастіяхъ родного города. Послѣ нѣкотораго молчанія Пампинеея обратилась къ нимъ съ такою рѣчью:

— Дорогія мои! Вы не разъ, какъ и я, конечно слышали, что тотъ, кто дозволеннымъ образомъ пользуется своими правами, не причиняетъ никому зла. Каждый родившійся имѣетъ естественное право по возможности продлить, поддержать и охранять свою жизнь, и не разъ уже случилось, что ради этого безнаказанно проливалась человѣческая кровь. Если это допускается законами, отъ бдительности которыхъ зависитъ

общественное благополучіе, то тѣмъ болѣе каждому изъ насъ должно быть дозволено пользоваться, не вреда другому, всѣми находящимися въ нашей власти средствами для охраненія нашей жизни. Когда я подумаю о томъ, какъ мы провели сегодняшнее утро, а такихъ было не одно, то убѣждаюсь (и вы конечно со мной согласитесь), что каждая изъ насъ должна опасаться за свою жизнь. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивляетъ меня только то, что мы съ нашимъ женскимъ чувствомъ, не вознаграждаемъ себя за наши опасенія и горести. Мнѣ кажется, что мы остаемся здѣсь только для того, чтобы считать трупы, которые проносятся для погребенія, и наблюдать, исполняютъ ли въ положенное время свои обязанности монахи, число которыхъ почти доходитъ до нуля.

Мы видимъ только мертвыхъ и умирающихъ; слышимъ только жалобы и стоны и всѣмъ указываемъ нашей одеждой на количество и степень нашихъ горестей. Когда я прихожу домой и остаюсь одна съ моей единственной служанкой, — меня охватываетъ такой ужасъ, что волосы на головѣ становятся дыбомъ. Куда я ни пойду, гдѣ ни сижу — повсюду мнѣ чудятся тѣла умершихъ, съ ужаснымъ взглядомъ и искаженнымъ лицомъ.

Послѣ нашей встрѣчи и грустныхъ бесѣдъ съ вами въ этомъ священномъ мѣстѣ, я убѣдилась, что и вы испытываете тотъ же ужасъ. А если это такъ, то спрашивается: чего мы ждемъ?.. Что мы здѣсь дѣлаемъ?.. — Покинемъ этотъ городъ, гдѣ смерть и безчинства свили себѣ прочное гнѣздо; сохранимъ нашу жизнь и нашу честь; удалимся куда нибудь въ помѣстье, мы будемъ тамъ дышать чистымъ воздухомъ и наслаждаться удовольствіями, не вредящими невинности и добродѣтели.

Выслушавъ Пампинею, всѣ дамы согласились съ ея предложеніемъ, которое вполнѣ соотвѣтствовало ихъ взглядамъ, но для того, чтобы провести его въ исполненіе, рѣшили присоединить къ своему обществу нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые сдѣлали бы ихъ путешествіе болѣе приятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служили бы ихъ руководителями и охранителями.

Въ это время въ церковь вошли три молодыхъ человѣка, изъ коихъ младшему было не меньше двадцати пяти лѣтъ. Дружбу ихъ не разрушили и даже не поколебали ни ужасное время, ни потеря друзей и родныхъ, ни опасенія за свою собственную жизнь. Одного звали Панфило, другого — Филострато, а третьяго — Діонео. Всѣ они были хорошо воспитанные, веселые люди, искавшіе во время общей неурядицы единственнаго утѣшенія — видѣть своихъ возлюбленныхъ, которыя случайно находились въ числѣ семи дамъ, собравшихся въ церковь.

Дамы не успѣли еще ихъ замѣтить, какъ Пампинея сказала: смотрите, какъ судьба намъ благопріятствуетъ, посылая намъ трехъ любимыхъ молодыхъ людей, которые удовольствуются тѣмъ, что будутъ нашими рыцарями, если мы согласимся признать ихъ таковыми. Это предложеніе было принято, при чемъ Нейфиле покрасилась отъ смущенія,

потому что въ нее былъ влюбленъ одинъ изъ трехъ молодыхъ людей. Затѣмъ Пампиней, бывшая въ родствѣ съ однимъ изъ нихъ, подошла къ нимъ, сообщила о своихъ намѣреніяхъ и предложила, не хотятъ ли они раздѣлится съ ними по братски ихъ общество и ихъ развлечения. Молодые люди думали сперва, что надъ ними надсмѣхаются, но потомъ, увидѣвъ, что это не шутка, съ радостью приняли предложеніе и взяли на себя всѣ приготовленія къ отъѣзду, который былъ назначенъ на слѣдующее утро.

На другой день съ восходомъ солнца всѣ вышли изъ города и отправились въ дорогу, дамы со своими служанками, а кавалеры со слугами. Мѣсто, избранное ими для первой стоянки, находилось въ двухъ миляхъ отъ города, вдали отъ всѣхъ дорогъ, на небольшомъ холмѣ, покрытомъ кустарниками и травами. На вершинѣ холма стоялъ небольшой замокъ; передъ нимъ находился обширный дворъ, окруженный великолѣпной аллеей. Комнаты были удобны, стѣны украшены чудной живописью. Кругомъ открывался великолѣпный видъ на поля и лѣса; сады съ чистыми и прохладными источниками ласкали взоръ. Все было приготовлено къ приему общества, которое безъ труда устроилось. Заботы и горести были оставлены во Флоренціи, началось пѣніе, смѣхъ и различныя развлечения. Для установленія извѣстнаго порядка было рѣшено избрать предсѣдателя, котораго бы всѣ уважали и слушались и который долженъ заботиться, чтобы всѣмъ жило весело и удобно. А для того, чтобы каждый имѣлъ возможность испытать и тягость заботъ и сладость почета, установили, чтобы предсѣдательство каждаго продолжалось не болѣе одного дня. Этотъ проектъ былъ тотчасъ же принятъ и Пампинею какъ автора его единогласно избрали королевой на первый день. Послѣ этого Филомена нарѣзала нѣсколько лавровыхъ вѣтокъ, сплела изъ нихъ вѣнокъ и возложила его на голову Пампиней. Съ этого времени лавровый вѣнокъ былъ у нихъ знакомъ старшинства.

Пампиней первымъ дѣломъ распредѣлила обязанности между слугами и служанками и дала каждому изъ нихъ соотвѣтственныя инструкціи. Кромѣ того, она приказала, чтобы никто не смѣлъ передавать никакихъ вѣстей, кромѣ веселыхъ, куда бы онъ ни ходилъ, откуда бы ни возвращался, что бы ни видѣлъ и ни слышалъ. Затѣмъ она поднялась, отпустила всѣхъ, предоставивъ каждому развлекаться, какъ ему вздумается, и приказала собраться къ тремъ часамъ, чтобы пообѣдать въ прохладѣ.

Получивъ разрѣшеніе королевы, молодые люди и дамы отправились гулять въ чудный садъ, гдѣ, смѣясь и болтая, одни начали собирать цвѣты и дѣлать букеты, а другіе пѣли романсы. Въ назначенный королевой часъ они вернулись къ мѣсту свиданія, гдѣ увидѣли столы на коврѣ изъ цвѣтовъ, покрытые бѣлоснѣжными скатертями и уставленные хрустальной и серебряной посудой. Всѣ сѣли за столъ и принялись за прекрасно приготовленныя кушанья и тонкія вина. Послѣ обѣда, когда убрали столы, Діонео взялъ по приказанію королевы лютню, а Фиеметта

віолу и начали играть нѣжныя мелодіи. Королева и все общество стали танцовать, затѣмъ пѣли и продолжали такъ веселиться, пока Паминица не порѣшила отдохнуть и посоветовала остальнымъ послѣдовать ея примѣру.

Послѣ девяти часовъ королева встала и приказала разбудить всѣхъ, заявивъ, что вредно спать днемъ слишкомъ долго.

Общество направилось на гѣнистую лужайку, окруженную высокими деревьями и поросшую пышной травой. Здѣсь, наслаждаясь чистымъ прохладнымъ воздухомъ, всѣ усѣлись по приказанію королевы въ кружокъ на траву, и она обратилась къ нимъ съ такими словами:

Солнце еще высоко, жара страшная и мы не найдемъ болѣе пріятнаго и прохладнаго уголка. Поэтому я предлагаю остаться здѣсь и рассказывать что нибудь по очереди: всѣ мы будемъ имѣть развлеченіе и съ удовольствіемъ послушаемъ рассказчика; такимъ образомъ, незамѣтно спадетъ жара и мы успѣемъ еще рассказать небольшую новеллу до захода солнца. Затѣмъ наступитъ прохлада и мы сможемъ пойти, куда намъ вздумается. Но такъ какъ, дѣлая это предложеніе, я хочу только доставить вамъ удовольствіе, то вы свободны, если не раздѣляете моего взгляда, предложить или дѣлать то, что найдете болѣе подходящимъ.

Все общество захопало въ ладоши и съ восторгомъ приняло предложеніе королевы. Тогда она сказала, — такъ какъ вы согласны съ моимъ предложеніемъ, то я хотѣла бы, чтобы каждому было дозволено на первый день рассказать, что ему угодно. — И обратившись къ Панфило, который сидѣлъ по правую руку королевы, она любезно попросила его начать какую нибудь новеллу. Панфило же, повинувшись слову королевы, началъ свой рассказъ.

Новелла I.

Исповѣдь св. Чьяппелетто.

Синьоръ Чьяппелетто обманываетъ лживымъ покаяніемъ исповѣдывающаго его монаха и вскорѣ затѣмъ умираетъ. Будучи отъявленнымъ негодяемъ при жизни, онъ признается послѣ смерти своей за святого и получаетъ имя Санъ-Чьяппелетто.

Вполнѣ естественно, прелестныя дамы, что человекъ все, что бы онъ ни сдѣлалъ, приписываетъ дивному святому имени Того, Кто есть творецъ всего существующаго. И вотъ я, на чью долю выпало положить начало нашимъ разсказамъ, имѣю въ виду начать ихъ съ повѣствованія объ одномъ изъ удивительнѣйшихъ чудесъ Его. Я болѣе чѣмъ убѣжденъ, что, выслушавъ эту мою повѣсть, вы еще болѣе укрѣпитесь въ своей вѣрѣ въ нашего Творца и Промыслителя. Въ теченіе всей своей жизни мы подвержены столькимъ соблазнамъ, что, конечно, не въ силахъ были бы бороться съ ними собственными своими силами и погибли бы. Но милосердный Создатель нашъ, зная нашу немощность, вселяетъ въ насъ особую благодатную силу, благодаря которой мы только и можемъ противустоять всѣмъ искушеніямъ и тѣмъ достигнуть спасенія души своей. Конечно, мы не должны воображать себѣ, что благодать эта нисходитъ къ намъ за какія либо особыя заслуги наши. Наоборотъ, проникшись глубокимъ сознаніемъ невозможности такихъ заслугъ передъ Нимъ, мы должны понимать, что благодать эта является намъ исключительно по милосердію Божию и молитвами тѣхъ, которые, будучи смертными такъ же, какъ и мы съ вами, но слѣдуя въ теченіе всей своей жизни завѣтамъ Бога, наслаждаются послѣ своей смерти вѣчнымъ блаженствомъ. Къ этимъ то святымъ, какъ къ посредникамъ, по опыту знающимъ нашу немощность, и не смѣя, быть можетъ, возносить свои молитвы такому Судьѣ непосредственно, мы и обращаемся съ просьбами обо всемъ томъ, въ чемъ нуждаемся.

Но если Богъ съ одной стороны исполненъ къ нимъ состраданія, то съ другой стороны мы видимъ, что часто (пути Господни неисповѣдимы), обманутые благодаря временному помраченію нашего разума, мы избираемъ своимъ представителемъ передъ Нимъ—посредника, удаленнаго отъ Него вѣчнымъ изгнаніемъ.

И тѣмъ не менѣе Господь, отъ котораго ничто не скрыто, обращая, повидимому, больше вниманія на чистоту намѣренія просящаго Его, чѣмъ на его невѣдѣніе, или даже на то, что тотъ, черезъ котораго Его просить, — имъ изгнанъ, — внемлетъ мольбамъ просящихъ Его, какъ будто бы ихъ посредникъ пользовался благодатной любовью Его. Такое заключеніе можетъ быть вполне наглядно выведено изъ повѣсти, которую я собираюсь вамъ рассказать. Я говорю, «наглядно», но не съ точки зрѣнія Бога, а по мнѣнію людей.

Разсказываютъ, что нѣкій Муньятто Фринизи, богатый, крупный торговецъ, сдѣлавшись знатнымъ сановникомъ, принужденъ былъ въ одинъ прекрасный день отправиться съ братомъ французскаго короля, Карломъ Безземельнымъ, приглашеннымъ къ себѣ папой Бонифаціемъ въ Тоскану. Видя, что дѣла его, что случалось чуть ли не со всеми торговцами отъ сотворенія міра, — крайне запутаны, и понявъ, что ему самому не успѣть до отъѣзда своего привести ихъ въ надлежащій порядокъ, онъ, не долго думая, рѣшилъ поручить это избраннымъ имъ лицамъ. Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается. Найдя болѣе или менѣе подходящихъ людей для всѣхъ своихъ дѣлъ, онъ никакъ не могъ подобрать человѣка, которому можно было бы спокойно дать одно труднѣйшее порученіе — получить деньги, должныя ему бургундцами. Дѣло въ томъ, что послѣдніе слыли тогда за сутягъ, драчуновъ и беззаконниковъ, однимъ словомъ, за людей съ весьма плохой репутаціей во всѣхъ отношеніяхъ. Долго и тщетно ломалъ онъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, Муньятто вспомнилъ о нѣкоемъ Чьяшперелло да-Прато. Послѣдній часто бывалъ въ его парижской конторѣ. Французы, не зная, что значить Чьяшперелло, и думая, что имя это — синонимъ слова капелло, то же, что на ихъ родномъ языкѣ значить гирлянда, передѣлали его изъ Чьяшперелло въ Чьяшпетлетто. Такимъ образомъ, всѣмъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Чьяшпетлетто и лишь очень немногіе знали его настоящее имя Чьяшперелло.

Нотариусъ по профессіи, Чьяшпетлетто своей главной, если можно такъ выразиться, спеціальностью (всякій въѣдъ порядочный человѣкъ долженъ имѣть какую-либо спеціальность) избралъ фабрикацію подложныхъ документовъ. Къ дѣлу этому (надо отдать ему въ томъ справедливость) онъ относился съ чрезвычайной любовью; никогда въ подобныхъ просьбахъ никому не отказывалъ, и даже охотнѣе предпочиталъ исполненіе такого рода порученій всякимъ другимъ, будь бы даже за тѣ другія ему представлялась возможность содрать съ своихъ кліентовъ порядочный кушъ.

Представлялась ли въ томъ надобность, или нѣтъ — все равно: дать на судѣ ложное показаніе было его высочайшимъ наслажденіемъ. Надо вамъ сказать, что въ то время даваемой на судѣ присяги придавалось во Франціи чрезвычайно важное, даже, пожалуй, рѣшающее значеніе. Синьору Чьяшпетлетто, которому ничего не стоило дать ложную присягу, всегда

такимъ образомъ удавалось выходить побѣдителемъ въ любомъ неправомъ дѣлѣ, въ которомъ ему приходилось давать свои «правдивыя показанія» подъ торжественной клятвой говорить «одну истину». Любимѣйшимъ развлеченіемъ господина нотариуса было кромѣ того возбуждать всякаго рода раздоры и поселять вражду между друзьями, родственниками и

прочими лицами. Чѣмъ лучше удавались ему такія пакости и чѣмъ больше зла удавалось сдѣлать людямъ, тѣмъ въ большее умиленіе онъ отъ того приходилъ. Ему не разъ приходилось быть участникомъ весьма темныхъ «дѣлъ», кончавшихся нерѣдко даже убійствомъ. Въ этихъ дѣлахъ достойный синьоръ принималъ, конечно, самое дѣятельное участіе,

но, какъ это ни странно, всегда оставался чистъ и выходилъ, какъ говорится, сухъ изъ воды.

Болѣе отвратительнаго богохульника нельзя было, кажется, и найти. Онъ никогда, разумѣется, не только не посѣщалъ церквей и не исполнялъ налагаемыхъ религіей обязанностей, но даже наоборотъ, всегда относился и къ тѣмъ, и къ другимъ не иначе какъ съ отвращеніемъ, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ и духовенство и его правила. Не показываясь на пороги церкви, Чьяппелетто очень любилъ, зато, всякаго рода кабаки и всевозможные притоны разврата, которые посѣщалъ аккуратно каждый день, просиживая въ нихъ все свободное отъ честныхъ трудовъ своихъ время. Рѣдко, рѣдко приходилось ему возвращаться оттуда трезвымъ. Обжорство, безпробудное пьянство и разгулъ сдѣлали изъ этого человѣка существо, скорѣе похожее на животное. Однако, мнѣ кажется, прелестныя дамы, что въ своей характеристикѣ героя моей повѣсти я слишкомъ увлекся! Я могъ бы, конечно, поразсказать вамъ о немъ еще и еще не мало интереснаго, но и того, что сказано, вполне, полагаю, достаточно для того, чтобы вы могли составить себѣ о немъ правильный взглядъ. И такой-то человѣкъ совершалъ совершенно безнаказанно самыя отвратительныя злодѣянія подъ эгидой своего не менѣе достойнаго покровителя Муньятто, выручавшаго нашего героя благодаря своему положенію при дворѣ и вліянію среди судей. Вспомнивъ о Чьяппелетто, Муньятто, прекрасно, какъ вамъ извѣстно, знавшій его и его благородныя качества, конечно рѣшилъ, что въ лицѣ этого господина онъ найдетъ лучшаго исполнителя своего труднаго порученія. И вотъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ тотчасъ велитъ позвать его къ себѣ и обращается къ нему съ такой рѣчью:

— Синьоръ Чьяппелетто, я какъ тебѣ извѣстно, отправляюсь на этихъ дняхъ въ Италію. Имѣя среди своихъ многочисленныхъ кліентовъ между прочимъ бургундцевъ, людей, какъ ты знаешь, коварныхъ и плутовъ, и глубоко цѣня твои способности, я остановилъ свой выборъ на тебѣ, въ надеждѣ, что ты сумѣешь оправдать мое къ тебѣ довѣріе и возьмешься за дѣло взысканія съ бургундцевъ должныхъ мнѣ суммъ. Если ты согласишься взять на себя это дѣло, благо въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, ты ничѣмъ не занятъ, то я дамъ тебѣ возможность приблизиться ко двору и общаю тебѣ значительную долю того, что ты взыщешь съ этихъ бестій.

Чьяппелетто, дѣйствительно сидѣвшій какъ разъ безъ дѣла и находившійся въ виду этого обстоятельства въ весьма затруднительномъ финансовомъ положеніи, быстро понялъ всю выгоду для себя такого предложенія и охотно согласился на него, тѣмъ болѣе что поддерживавшій его и покровительствовавшій ему Муньятто уѣзжалъ далеко и, быть можетъ, надолго.

Тотчасъ же былъ совместно выработанъ планъ дѣйствій и выяснены условія. На слѣдующій же день Муньятто уѣхалъ въ Италію, а Чьяппелетто, снабженный довѣренностью своего покровителя и рекомендатель-

нымъ письмомъ самого короля, отправился въ Бургундію, гдѣ, кстати сказать, не зналъ ни живой души.

Рѣшивъ, что на первое время ему слѣдуетъ по возможности умѣрить свой пылкій нравъ, онъ сталъ дѣйствовать кротко и мягко, точно приберегая свои силы на будущее.

Поселившись въ домъ двухъ братьевъ флорентинцевъ, занимавшихся растовщицествомъ и обращавшихся съ нимъ очень любезно изъ уваженія къ Мушьятто, котораго они знали давно, Чьяппелетто потихоньку, да помаленьку сталъ вершать дѣла своего патрона. Все шло какъ по маслу, какъ вдругъ онъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Братья - флорентинцы немедленно призвали врачей и не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы только вылѣчить его. Но, увы! всѣ ихъ усилія оказались тщетными:

больному, бывшему уже на склонѣ лѣтъ и проведенному безобразную развратную жизнь, ничѣмъ нельзя уже было помочь. Его состояніе ухудшалось съ каждымъ днемъ... Наконецъ, доктора отказались лѣчить его, объявивъ, что ихъ знанія не могутъ поднять больного и что онъ долженъ умереть.

Бѣдные братья пришли въ отчаяніе и стали держать совѣтъ, какъ имъ быть?

— Что намъ съ нимъ дѣлать, — спрашивали они другъ друга съ тревогой? Вотъ ужъ подлинно: не было печали, такъ черти накачали!.. Выбросить его на улицу въ такомъ состояніи — было бы съ нашей стороны слишкомъ жестоко... Къ тому же насъ могли бы обвинить въ безсердечіи, если бы послѣ того, какъ мы принявъ его къ себѣ и заботясь о немъ

столько времени, несмотря на то, что онъ не сдѣлалъ намъ ничего такого, за что бы мы могли съ нимъ такъ поступить, — вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вздумали отдѣлаться отъ него такимъ образомъ. Съ другой же стороны, въ теченіе всей своей жизни онъ, какъ мы знаемъ, былъ такимъ негодяемъ, что навѣрное, конечно, не захочетъ ни исповѣдываться передъ смертью, ни принять причастіе. А если такъ, то вѣдь тогда ни одна церковь не согласится похоронить его... Да еще, пожалуй, ксендзы велѣтъ бросить его въ ровъ, какъ собаку. Впрочемъ, если бы даже онъ и согласился на исповѣдь, все равно дѣло лучше для насъ отъ этого не будетъ. На его душѣ столько грѣховъ и при томъ такихъ отвратительныхъ, что едва ли найдется хоть одинъ священникъ или монахъ, который рѣшился бы отпустить ихъ ему. Въ концѣ концовъ дѣло кончится для насъ весьма плачевнымъ образомъ. Вѣдь и такъ ужъ жители нашего города относятся къ намъ очень враждебно за нашу профессию, которую они почему то считаютъ «неправедной», о чемъ кричатъ отъ зари до зари. Узнавъ же обо всемъ этомъ, они, конечно, рады будутъ, придравшись къ удобному случаю (благо то же, вѣдь, не дураки пограбить при случаѣ)—поднять шумъ. И начнутъ завывать: мы, молъ, не хотимъ терпѣть этихъ собакъ-ломбардцевъ, отъ которыхъ и церковь отказывается! Долой ихъ!.. Хорошо еще, если пойдутъ грабить наше имущество... А то вѣдь того и гляди можетъ не поздоровиться и намъ самимъ... Однимъ словомъ: такъ или иначе, но если онъ умретъ,—наше дѣло дрянъ!

Чьяшлетто, лежавшій рядомъ съ той комнатой, въ которой бесѣдовали такимъ образомъ наши братья и обладавшій замѣчательно тонкимъ слухомъ, который, какъ извѣстно, усиливается еще болѣе у всѣхъ трудно больныхъ,—слышалъ весь ихъ разговоръ. Приказавъ слугѣ попросить къ себѣ обоихъ братьевъ,—онъ обратился къ нимъ съ такого рода рѣчью:

— Я слышалъ весь вашъ разговоръ на мой счетъ. Не желая подвергать васъ изъ-за себя какимъ бы то ни было неприятностямъ и вполне соглашаясь съ вашимъ мнѣніемъ о томъ, что если бы все произошло такъ, какъ вы думаете, вамъ пришлось бы очень плохо, — я рѣшилъ поступить совершенно иначе. За всю свою жизнь я столько нагрѣшилъ, столько разъ давалъ ложную присягу, что если теперь, отправляясь на тотъ свѣтъ, согрѣшу еще одинъ разъ, давъ ложную присягу, я думаю дѣла своего тѣмъ себѣ много не испорчу; благо все равно исправить то его ужъ и нельзя. Однимъ грѣхомъ больше, однимъ меньше,—все вѣдь равно! Поэтому позаботьтесь только вотъ о чемъ: поищите въ городѣ или въ окрестныхъ монастыряхъ священника или монаха, но только самаго, что называется, благочестиваго, такого, который пользовался бы всеобщей извѣстностью и уваженіемъ за свою святую жизнь (если только такого найдете)—и волоките его ко мнѣ!.. Остальное предоставьте мнѣ. Можете быть вполне спокойны и увѣрены въ томъ, что я сумѣю

наилучшимъ образомъ уладить и ваши, и мои дѣла. Увидите, что все пойдетъ превосходно и вы будете мною вполнѣ довольны.

Оба брата, хотя и не возлагали слишкомъ большой надежды на благополучный исходъ всего этого дѣла, тѣмъ не менѣе тотчасъ отправились въ ближайшій монастырь, прося дать имъ достойнаго, благочестиваго монаха, который могъ бы принять предсмертное покаяніе отъ больного ломбардца, находящагося при смерти. Имъ дали престарѣлаго старца-монаха, дѣйствительно извѣстнаго по всему округу своей праведной, святой жизнью, большого знатока Священнаго Писанія, къ которому всѣ знавшіе его относились съ величайшимъ уваженіемъ, чуть-ли даже не съ благоговѣніемъ, чтя какъ бы святого.

Придя въ комнату, гдѣ лежалъ Чьяппелетто, монахъ сѣлъ у его изголовья и сталъ ободрять и утѣшать его. Затѣмъ спросилъ его, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ исповѣдывался въ послѣдній разъ; на это Чьяппелетто, не исповѣдывавшійся за всю свою жизнь ни разу, не сморгнувъ глазомъ, отвѣтилъ:

— Отецъ мой, я имѣю обыкновеніе исповѣдываться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, не считая, конечно, тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, когда я исповѣдывался и чаще! Правда, съ того самаго дня, какъ я слегъ, т. е. вотъ ужъ восьмой день—я не исповѣдывался... Но я чувствовалъ себя все это время такимъ усталымъ, разбитымъ.

На это монахъ отвѣтилъ:

— Сынъ мой, ты очень хорошо сдѣлалъ, что поступилъ такимъ образомъ... Такъ и всегда должно поступать. Я вижу, что ты исповѣдывался такъ часто, что мнѣ мало о чемъ придется спрашивать тебя и немногое отъ тебя выслушать!

На это Чьяппелетто съ жаромъ возразилъ:

— Не говорите такъ, отецъ мой! Всякій разъ, какъ я исповѣдываюсь, я не могу успокоиться, пока не дамъ общаго покаянія во всѣхъ содѣянныхъ мною грѣхахъ, какіе только можетъ припомнить мой умъ,— съ того дня, какъ я родился, и вплоть до того, въ который я шелъ на исповѣдь!.. Поэтому я прошу васъ, благой отче, спрашивать меня обо всемъ такъ же подробно, какъ если бы вы имѣли дѣло съ человѣкомъ, который никогда не исповѣдывался. Не обращайтесь вниманія на мою слабость, ибо я предпочитаю скорѣй утомить свое брѣнное тѣло, чѣмъ, заботясь о немъ, совершить дѣяніе, которое повлекло бы за собой гибель для моей души, которую Спаситель искупилъ Своей драгоценною кровью.

Слова эти очень понравились старцу, заставивъ его притти къ заключенію, что кающійся передъ нимъ больной весьма благо честивый человѣкъ. Похваливъ Чьяппелетто еще разъ, смиренный монахъ сталъ, наконецъ, исповѣдывать его и прежде всего спросилъ нашего героя—не прелюбодѣйствовалъ ли онъ, на что послѣдній, глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Отецъ мой! Мнѣ стыдно дать вамъ правдивый отвѣтъ на этотъ вашъ вопросъ... я боюсь оскорбить Бога своимъ высокоумнымъ тщеславіемъ.

На это святой монахъ возразилъ:

— Говори смѣло, сынъ мой! Ибо истину глаголющій не грѣшитъ ничѣмъ.

— Ободренный вами, отче, — сказалъ тогда плутъ, — я дерзаю открыть передъ вами эту истину. Знайте же, что я такъ же невиненъ, какъ младенецъ, только что вышедшій изъ чрева матери!

— Да будетъ благословеніе Божіе на тебѣ, — воскликнулъ монахъ, — ты поступилъ очень хорошо; и этотъ твой великій подвигъ достоинъ тѣмъ большаго удивленія и похвалы, что въ борьбѣ съ этой страстью ты подвергался большимъ соблазнамъ, чѣмъ мы, монахи... Но не оскорбилъ ли ты, быть можетъ, Бога излишнимъ чревоугодіемъ?

— Да, — отвѣтилъ лицемѣръ, вздохнувъ еще глубже, — и притомъ не одинъ разъ, отче, а нѣсколько. Имѣя обыкновеніе, кромѣ общихъ дней въ году, что дѣлаютъ всѣ благочестивые люди, поститься еще непрерывно три раза въ недѣлю, вкушая въ эти дни хлѣбъ и воду, я, помню, нѣсколько разъ пилъ эту воду съ такою жадностью и съ такимъ удовольствіемъ, какое испытываютъ обыкновенно пьяницы, когда пьютъ вино. Это случалось со мною особенно часто послѣ слишкомъ продолжительнаго изнуренія своей плоти молитвою и воздержаніемъ, а также послѣ возвращенія съ богомолья... Какъ то разъ въ одинъ изъ такихъ дней, мнѣ страстно вдругъ захотѣлось даже салату. А однажды хлѣбъ, который я вкушалъ, особенно мучимый голодомъ, показался мнѣ вкуснѣе, чѣмъ онъ долженъ былъ бы показаться человѣку, постигаемому съ благоговѣніемъ.

На это монахъ возразилъ:

— Сынъ мой! грѣхи эти вполне естественны и легки. Поэтому успокойся и не обременяй своего ума припоминаніемъ всѣхъ этихъ мелкихъ погрѣшностей. Со всякимъ, будь онъ даже святой, случается, что хлѣбъ и вода кажутся ему вкусными, особенно-же послѣ продолжительнаго поста и усталости.

— О! отецъ мой, — воскликнулъ Чьяшелетто, — я понимаю, что вы говорите такъ только для того, чтобы меня утѣшить. Я, вѣдь, понимаю, что все совершаемое нами во имя Божіе и во славу Его должно выполняться съ истиннымъ благоговѣніемъ и безупречной совѣстью, и что тотъ, кто поступаетъ иначе, — совершаетъ тяжкій грѣхъ!

Монахъ, чрезвычайно довольный этими словами стараго богохульника и развратника, сказалъ:

— Я очень радуюсь за тебя, сынъ мой, что ты разсуждаешь такъ въ сердцѣ своемъ, и тому, что совѣсть твоя такъ чиста. Но скажи мнѣ: быть можетъ ты согрѣшилъ передъ Богомъ жадностью. Не случалось ли тебѣ желать приобрѣтенія мірскихъ благъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ

то подобаесть благочестивому христіанину. Не приходилось-ли тебѣ, быть можетъ, удерживать то, что тебѣ не принадлежало?

На это Чьяппелетто отвѣтилъ:

— Мнѣ было бы очень тяжело, отецъ мой, если бы вы могли заподозрить меня въ такихъ ужаснѣйшихъ, отвратительныхъ грѣхахъ. Хотя я и нахожусь въ настоящую минуту въ домѣ этихъ нехорошихъ людей, вы знаете: вѣдь они ростовщики,—но у меня нѣтъ съ ними, благодареніе Господу, ничего общаго. Я пришелъ къ нимъ, сюда, съ единственной цѣлью образумить ихъ, заставить ихъ бросить это позорное ремесло и обратиться къ Богу. И думаю, что мое страстное желаніе послужить, такимъ образомъ, во благость Божию помогло бы мнѣ достигнуть этой цѣли, если бы Онъ — Творецъ мой — не посѣтилъ меня за мои тяжкіе грѣхи своимъ справедливымъ гнѣвомъ. Отецъ мой, умирая, оставилъ мнѣ громадное состояніе, большую часть котораго я отдалъ на служеніе Богу. На остальные деньги, дабы имѣть возможность скромно существовать, благословляя имя и величіе Божіе, и помогать по мѣрѣ силъ несчастнымъ бѣднымъ, — я занялся торговлей. И если у меня дѣйствительно было желаніе получать отъ нея прибыль, то только для того, чтобы имѣть возможность помочь какъ можно больше бѣднякамъ, что я и дѣлалъ, конечно, отдавая имъ половину всей получаемой прибыли и оставляя другую на свои нужды. И Господь, мой Создатель, благословилъ мой трудъ: дѣла мои шли все лучше и лучше.

— И въ этомъ, сынъ мой, — сказалъ монахъ, — ты поступилъ очень хорошо. Но скажи мнѣ, какъ часто предавался ты гнѣву?

— О! отче, — отвѣтилъ на это съ глубокимъ вздохомъ Чьяппелетто, — увы, этимъ я часто грѣшилъ!.. Но кто могъ бы удержаться отъ справедливаго негодованія, когда видишь, чуть ли не на каждомъ шагу, какъ люди творятъ богопротивныя дѣла, не исполняютъ заповѣдей Христа и не боятся страшнаго суда Его. Бывали, отче, дни, когда я радъ бы былъ лучше, кажется, умереть, чѣмъ жить и слышать, какъ совѣмъ еще молодые юноши, исполненные гордости и тщеславія, постоянно клянутся и ложно присягаютъ; видѣть ихъ посѣщающими дома порока, забывъ дома Господни; видѣть, какъ они, вмѣсто того чтобы итти путемъ, указаннымъ имъ Богомъ, — идутъ путями міра, служа не Богу, а врагамъ Его!...

Монахъ, еще болѣе пораженный благочестіемъ кающагося, такъ какъ, конечно, ни на минуту не усумнился въ правдивости словъ его, сказалъ:

— Блаженъ еси ты, сынъ мой, ибо гнѣвъ твой — былъ святой гнѣвъ; такой гнѣвъ не составляетъ грѣха!..

Далѣе, помолчавъ немного, точно надъ чѣмъ то задумавшись, онъ спросилъ нашего героя:

— Но не заходилъ-ли, сынъ мой, твой гнѣвъ, иногда, до такой степени, когда ты могъ бы рѣшиться на убійство? Не случалось ли тебѣ, быть можетъ, находясь въ такомъ состояніи, оскорблять кого-либо или нанести ближнему какую-либо обиду?

На это Чьяппелетто, съ ловко сыграннымъ трагизмомъ, воскликнулъ:
 — Я подавленъ, отецъ мой! Какъ?! Вы, служитель Бога, можете говорить мнѣ такія вещи? Да, вѣдь, если бы я хотя бы только помыслить совершить малѣйшій изъ этихъ грѣховъ, то развѣ бы Господь не покаралъ меня за то своимъ справедливымъ гнѣвомъ? Развѣ бы Онъ, Всеблагій, далъ мнѣ дожить до старости?! Такіе ужасы могутъ совершать лишь бандиты и разбойники... что до меня, то, встрѣчая такихъ людей, я никогда не забывалъ помолиться за нихъ Богу, дабы онъ просвѣтилъ этихъ несчастныхъ и обратилъ ихъ на путь истины!

Монахъ, не менѣе нашего благочестиваго христіанина подавленный думами (впрочемъ совершенно другого рода) поторопился сказать:

— Да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе, сынъ мой! Но скажи мнѣ, не свидѣтельствовалъ ли ты ложно на ближняго своего? Не случилось ли тебѣ злословить на кого-либо, или, быть можетъ, брать у него то, что тебѣ не принадлежало?

— Да, отецъ,—смирненно отвѣтилъ негодай,—мнѣ случилось отзываться дурно объ одномъ человѣкѣ, который только и дѣлалъ, что билъ свою жену, безъ всякой съ ея стороны вины: такъ что однажды, движимый чувствомъ состраданія къ этому несчастному слабому созданію, видя

какъ безчеловѣчно обращался съ нею мужъ, особенно когда возвращался домой пьянымъ, что бывало почти каждый день,—я не удержался, — и сказалъ все дурное о немъ родителямъ его жены.

— Ты сказалъ мнѣ,—продолжалъ спрашивать монахъ,—что занимался торговлей! Не случилось ли тебѣ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ люди твоей профессіи, обмануть кого либо или получить съ него за товаръ больше, чѣмъ слѣдовало?

— Да, отецъ мой! Я обманулъ одного человѣка, но не знаю, кто онъ? Помню только, что однажды какой то человѣкъ уплатилъ мнѣ деньги за купленное имъ у меня платье; я, не считая, положилъ ихъ въ конторку. Нѣкоторое время спустя я замѣтилъ, что онъ далъ мнѣ на четыре грошика болѣе, чѣмъ слѣдовало. Въ теченіе цѣлаго года я сохранялъ эти деньги, надѣясь отдать ихъ ему, если онъ придетъ. Но онъ не пришелъ и я подалъ ихъ, наконецъ, нищему.

— Это пустяки, сынъ мой,—и ты сдѣлалъ очень хорошо, что поступилъ такимъ образомъ!

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ и получивъ на нихъ подобныя же отвѣты, монахъ собирался уже дать кающемуся отпущеніе грѣховъ, благословить его и затѣмъ уйти,—какъ Чьяппелетто остановилъ его:

— Отецъ мой!—сказалъ онъ,—на моей душѣ лежитъ еще одинъ тяжкій грѣхъ, въ которомъ я не покаялся передъ вами!

На вопросъ старца, какой это грѣхъ, ловкій комедіантъ отвѣтилъ:

— Я вспомнилъ, что какъ-то разъ заставилъ своего слугу убирать въ домѣ въ субботу, послѣ вечерни,—и такимъ образомъ согрѣшилъ передъ Богомъ, не почтивъ дня, посвященнаго прославленію святого имени Его!

— Успокойся, сынъ мой!—это незначительный грѣхъ!—замѣтилъ на это монахъ.

— Не успокаивайте меня, отче, — съ жаромъ возразилъ на это Чьяппелетто, — не говорите, что этотъ грѣхъ невеликъ, ибо день, въ который возсталъ изъ гроба Искупитель міра—Христосъ—долженъ особенно чтиться! День этотъ мы должны проводить въ совершенной святости!

Помолчавъ нѣкоторое время, монахъ спросилъ:

— Не имѣешь-ли ты еще чего сказать мнѣ, сынъ мой?

— Да, отецъ мой,—отвѣтилъ богохульникъ,—я плюнулъ однажды по разсѣянности, находясь въ храмѣ Божіемъ!

Въ отвѣтъ на это, монахъ, улыбнувшись,—сказалъ:

— Сынъ мой! это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ и говорить!—Мы—монахи, и то плюемъ въ церкви постоянно!

— И вы поступаете очень дурно! Ибо ни одно мѣсто не должно содержаться въ большей чистотѣ, чѣмъ то, въ которомъ приносится безкровная жертва!

Затѣмъ, тяжело вздохнувъ нѣсколько разъ, Чьяппелетто вдругъ залился слезами. Совершать такого рода фокусы нашъ герой могъ совершенно свободно, въ любое время.

Изумленный монахъ спросилъ его:—Что съ тобой, сынъ мой!

— Увы, отецъ мой,—простоналъ въ отвѣтъ негодяй,—я долженъ покаяться вамъ еще въ одномъ очень тяжкомъ грѣхѣ, о которомъ я никогда до сихъ поръ никому не говорилъ!... Мнѣ страшно и стыдно было сознаться въ немъ!... Всякій разъ, какъ я вспоминалъ объ этомъ ужасномъ грѣхѣ,—я, какъ и теперь, не могъ удержаться отъ слезъ... мнѣ кажется: Господь никогда не проститъ мнѣ его!

Растроганный монахъ сталъ успокаивать Чьешелетто и утѣшать его:

— Полно, сынъ мой! Грѣшно говорить такъ. Даже если-бы одинъ человѣкъ совершилъ всѣ грѣхи, какіе когда-либо были совершены всѣми людьми отъ сотворенія міра, и тѣ, которые будутъ совершены ими до самаго конца его,—то и тогда еще такой человѣкъ, если только онъ въ нихъ раскается, особенно съ такимъ сокрушеніемъ какъ ты, и исповѣдуются въ нихъ,—можетъ смѣло рассчитывать на то, что Господь проститъ ихъ ему. Ибо, истинно говорю тебѣ, — благи и милосердію Божію нѣтъ предѣловъ! Поэтому открой мнѣ свой грѣхъ, не страшись Его гнѣва, дабы успокоить свою совѣсть!

— Увы, отецъ мой!—возразилъ Чьешелетто, зарыдавъ еще сильнѣе,—мой грѣхъ такъ ужасенъ, что я не смѣю даже и надѣяться на то, что Господь проститъ мнѣ его когда-либо!... Развѣ что вы, святой отецъ, умиловите Его своими молитвами!

— Обѣщаю тебѣ, сынъ мой,—сказалъ на это монахъ,—помолитесь за тебя Господу. Успокойся же и повѣдай мнѣ грѣхъ свой: облегчи свою душу!...

Однако Чьяшелетто все еще не переставалъ глухо рыдать и, несмотря на всѣ увѣщанія монаха, пришедшаго прямо таки «въ умиленіе» при видѣ такого сокрушенія кающагося,—упорно молчалъ. Наконецъ, рѣшивъ, повидимому, что столь сильное средство, какъ слезы, навѣрное успѣло уже произвести на довѣрчиваго монаха желаемое дѣйствіе, и что злоупотреблять имъ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ, онъ, вздохнувъ, почти простоналъ:

— Знайте-же, святой отецъ, что я... однажды... будучи еще ребенкомъ... я... я... я оскорбилъ свою мать!...

Сказавъ эти слова, Чьешелетто снова зарыдалъ, на этотъ разъ еще сильнѣе.

— И это-то, сынъ мой, ты называешь такимъ ужаснымъ грѣхомъ?—воскликнулъ монахъ. Успокойся же! Люди оскорбляютъ Бога и притомъ чуть-ли не на каждомъ шагу, — и все-же Онъ прощаетъ ихъ, если они раскаются въ этомъ. Какъ же Ему не простить тебѣ твоего грѣха?!... Не плачь, сынъ мой! Успокойся! Ибо истинно говорю тебѣ, что если-бы даже ты былъ одинъ изъ распявшихъ Его, то и тогда Онъ простилъ бы тебя, видя въ тебѣ такое глубокое раскаяніе!

— Что вы говорите, отецъ мой! — возразилъ лицемѣръ. Нѣтъ, я совершилъ ужасный грѣхъ! Подумайте только: вѣдь я оскорбилъ мать!...

свою собственную мать, носившую меня въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ въ своей утробѣ. Я согрѣшилъ противъ той, которая сотни, тысячи разъ держала меня на своихъ рукахъ, которая ласкала меня, вскормила своей грудью... Только молитвами вашими, святой отецъ, Богъ проститъ мнѣ, быть можетъ, этотъ мой ужасный грѣхъ!

Монахъ, успокоивъ еще разъ на этотъ счетъ кающагося и видя, что ему не о чемъ его больше спрашивать,—далъ ему, наконецъ, отпущеніе грѣховъ и чуть ли не съ благоговѣніемъ благословилъ его, рѣшивъ, что герой нашъ прямо таки святой человѣкъ. Простодушный монахъ, конечно, нисколько не сомнѣвался въ томъ, что все сказанное Чьешелетто—чистѣйшая правда. Да и кому-жъ могло бы прійти въ голову такое сомнѣніе въ искренности человѣка, собирающагося, не сегодня,—завтра,—отправиться на тотъ свѣтъ. Затѣмъ онъ обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Синьоръ Чьяпелетто! Будемъ надѣяться, что вы, съ Божіей помощью скоро поправитесь. Но въ случаѣ, если-бы Ему, Всеблагому, угодно было призвать къ Себѣ вашу свѣтлую, чистую душу,—согласны-ли вы быть похороненнымъ въ нашемъ монастырѣ?

На это Чьяпелетто поспѣшилъ отвѣтить:

— О да, святой отецъ! Мнѣ не хотѣлось бы даже быть похороненнымъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ вы обѣщали молиться за меня грѣшнаго... Слезно умоляю васъ, святой отецъ, исполнить еще одну просьбу мою. Хотя я и сознаю, что я великій грѣшникъ и что того не достоинъ, конечно,—я все-же хотѣлъ бы съ вашего благословенія, отче, принять Тѣло Христа, — нашего Спасителя. Проживъ всю свою жизнь грѣшникомъ, я хотѣлъ-бы хоть умереть истиннымъ христіаниномъ!

Монахъ, которому эти послѣднія слова наглаго шута особенно понравились, еще разъ похвалилъ его за благочестивыя мысли, благословилъ и, обѣщавъ прислать ему немедленно Святое Причастіе,—удалился.

Между тѣмъ, братья-флорентинцы, боясь, какъ-бы Чьяпелетто не надулъ ихъ, притавились въ сосѣдней комнатѣ, отдѣлявшейся отъ той, гдѣ происходила вся эта сцена, лишь тоненькой перегородкой, и, такимъ образомъ, слышали отъ слова до слова весь вышеописанный разговоръ мерзкаго богохульника съ простодушнымъ, довѣрчивымъ монахомъ.

Они, конечно, прекрасно знали и нашего героя и всю его отвратительную жизнь. Однако же слышанное ими превзошло все ихъ ожиданія. По временамъ, слыша то или другое мѣсто исповѣди негодяя, они едва могли удержаться отъ хохота.

— И что это за человѣкъ,—говорили они другъ другу,—чтобы ни дряхлость, ни болѣзнь, ни даже боязнь страшнаго суда Божія, передъ которымъ не сегодня—завтра онъ долженъ предстать,—чтобы ничто не могло его образумить, заставить опомниться хоть въ послѣднюю минуту, чтобы хоть умереть-то по христіански?!

Однако, услышавъ, что Чьешелетто будетъ похороненъ въ монастырѣ, они успокоились. Это было для нихъ самое главное. До

всего же остального имъ, собственно говоря, было, конечно мало дѣла.

Въ тотъ-же день, вскорѣ послѣ своей «исповѣди», Чьяппелетто причастился Св. Тайнъ. Съ каждой минутой онъ ослабѣвалъ все болѣе и болѣе: его соборовали.

Къ вечеру онъ умеръ.

Братья рѣшили похоронить его на свой счетъ и какъ можно торжественнѣе. Они тотчасъ же послали въ монастырь — просить монаховъ на отпѣваніе. На слѣдующее утро, согласно данному старцемъ обѣщанію, монахи должны были отвезти тѣло умершаго въ свой монастырь для погребенія его въ тамошней церкви. Поэтому оба брата тотчасъ же принялись за всѣ необходимыя къ такому торжественному случаю приготовленія.

Тѣмъ временемъ монахъ, исповѣдывавшій нашего героя, узнавъ, что тотъ скончался, — отправился къ игумену и приказалъ, съ его разрѣшенія, созвать всѣхъ братьевъ-инокъ колокольнымъ звономъ. Вскорѣ монахи собрались. Тогда старецъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сообщилъ, что изъ исповѣди покойнаго Чьяппелетто онъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что человекъ этотъ — святой. Въ надеждѣ на то, что Господь, въ виду этого, совершитъ именемъ новопреставленнаго святого не мало чудесъ, онъ сталъ убѣждать монаховъ принять тѣло Чьяппелетто въ свой монастырь съ особой почтительностью и благоговѣніемъ. Игумень и всѣ прочіе монахи тотчасъ, конечно, согласились со старцемъ. Въ тотъ же вечеръ, въ составѣ всего ордена, они отправились въ домъ, гдѣ умеръ нашъ герой, и отслужили у его гроба торжественную панихиду. На слѣдующее утро, облачившись въ праздничныя одѣянія, съ книгами и хоругвями въ рукахъ, они, въ сопровожденіи почти всего населенія города, съ чрезвычайной торжественностью перенесли его тѣло въ свою монастырскую церковь. Когда, такимъ образомъ, гробъ, заключавшій въ себѣ бранные останки Чьяппелетто, былъ торжественно поставленъ на высокій катафалкъ, — тотъ же старецъ монахъ взошелъ на кафедру и снова сталъ говорить о благочестивой жизни покойнаго, о томъ, какъ онъ усердно и часто постился, о его тѣлесной и духовной непорочности, смиреніи, невинности, наконецъ — о его святости. Съ особеннымъ умиленіемъ старецъ рассказывалъ собравшимся то мѣсто исповѣди «этого божественнаго человѣка», въ которомъ онъ назвалъ ему своей величайшій грѣхъ; о томъ, какъ горько онъ плакалъ при этомъ и сколько труда стоило ему, исповѣднику, успокоить его и убѣдить въ томъ, что Господь проститъ ему этотъ мелкій грѣхъ. (Воспользовавшись затѣмъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать внушеніе собравшемуся народу, ораторъ обратился къ нему съ громовою рѣчью).

— А вы, отвергнутые Богомъ, — говорилъ онъ между прочимъ, — вы чуть ли не на каждомъ шагѣ оскорбляете Бога, Святую Матерь и святыхъ угодниковъ.

Затѣмъ старецъ снова заговорилъ о достойной удивленія и поклоненія чистотѣ души праведника, о его искреннемъ прямодушїи и о многомъ другомъ. Слова старца произвели на всѣхъ присутствующихъ, повѣрившихъ, конечно, всему, что они слышали, такое глубокое впечатлѣнїе, что, когда служба окончилась, вся толпа, приникшись величайшимъ благоговѣнїемъ къ покойному, бросилась цѣловать его руки, ноги... Каждый старался унести съ собой хоть кусочекъ одежды новаго святого, который скоро очутился, такимъ образомъ, въ томъ платьѣ, въ которомъ впервые появился на свѣтъ Божїй. Дабы каждый могъ видѣть покойнаго и поклониться ему, гробъ былъ оставленъ въ церкви въ теченїе цѣлаго дня: затѣмъ, когда наступила ночь, монахи торжественно погребли Чьяппе-

летто въ часовнѣ. На могилѣ его поставленъ былъ великолѣпный памятникъ изъ блага мрамора.

Начиная со слѣдующаго же дня, его могилу стали посѣщать цѣлыя толпы народа. Ему начали молиться, прося его заступничества передъ Богомъ, ставить свѣчи... Молва о необычайной святости новаго праведника распространялась съ необыкновенной быстротой по всей Бургундіи, и даже далеко за предѣлы ея. Новый святой прїобрѣлъ вскорѣ повсюду такую популярность, что народъ сталъ стекаться къ нему изъ отдаленнѣйшихъ концовъ страны, забывая всѣхъ прочихъ святыхъ; стали обращаться, наконецъ, съ молитвами къ нему одному. Такимъ образомъ Чьяппелетто прїобрѣлъ званіе святого и до сихъ поръ еще извѣстенъ подъ именемъ

Санъ - Чьяппелетто. Утверждаютъ, что Богъ будто бы сотворилъ его именемъ массу чудесъ, что и теперь еще Онъ даруетъ чудесное исцѣленіе всякому, кто обращается съ благоговѣйною молитвою къ Санъ - Чьяппелетто.

Вотъ вамъ, милыя дамы, мой правдивый рассказъ о томъ, какъ жилъ и умеръ синьоръ Чьяппелетто да-Прато и какимъ образомъ онъ попалъ въ святые. Я далекъ, конечно, отъ мысли отрицать возможность его настоящей блаженной жизни за гробомъ, и того, что онъ наслаждается въ настоящую минуту лицезрѣніемъ Бога. Ибо, хотя мой герой и велъ отвратительную, безбожную жизнь, но очень возможно, что въ послѣднія свои минуты онъ покался въ душѣ передъ Богомъ съ такимъ искреннимъ сокрушеніемъ, что милосердый Господь сжалился надъ нимъ и простилъ его, принявъ въ царствіе небесное.

Все это, впрочемъ, покрыто мракомъ неизвѣстности и навсегда останется для насъ непроницаемой тайной. Если бы, однако, мнѣ пришлось высказать на этотъ счетъ мое личное мнѣніе, то я скорѣе готовъ былъ бы предположить, что Чьяппелетто находится въ настоящую минуту въ рукахъ дьявола, нежели подумать, что онъ наслаждается «вѣчнымъ блаженствомъ» въ раю. Допустите, что мое предположеніе правильно,—и тогда вы поймете всю благодать и величіе Бога, который, не взирая на наше заблужденіе, обращаетъ свое главное вниманіе на искренность и силу вѣры просящихъ Его. Милосердый Богъ внемлетъ, какъ видите, нашимъ молитвамъ даже и тогда, когда мы избираемъ своимъ посредникомъ передъ нимъ человѣка, не только не святого, но даже отвергнутаго имъ,—его врага. Господь выслушиваетъ насъ въ такихъ случаяхъ такъ же, какъ если бы мы обращались къ Нему, ища заступничества передъ нимъ у человѣка, бывшаго дѣйствительно святымъ.

Въ виду всего этого, дабы остаться здоровыми и невредимыми, особенно въ настоящее тяжелое время, воздадимте нашу хвалу Тому, благодаря покровительству Котораго мы собрались здѣсь, прелестныя дамы.

И, конечно, Онъ услышитъ насъ».

Новелла II.

Еврей, принявшій христіанство.

Богатый парижскій купецъ Жанно де-Шевинье уговариваетъ своего друга, еврея Авраама принять христіанство. Послѣдній отправляется въ Римъ, ко двору папы, и, возвратившись оттуда обратно, въ Парижъ становится христіаниномъ.

Новелла, рассказанная Памфиломъ, очень понравилась всѣмъ безъ исключенія, особенно дамамъ, которыя отъ души смѣялись и надъ довѣрчивымъ монахомъ - исповѣдникомъ, и надъ другими, одураченными наглымъ лжецомъ и богохульникомъ.

Когда общее шумное настроеніе понемногу улеглось, королева отдала приказъ рассказать слѣдующую новеллу сидѣвшей рядомъ съ Памфиломъ—Неифиле.

Послѣдняя весело вкочила со своего мѣста и начала такъ:

— Дорогіе друзья мои! Памфило показалъ намъ въ своей новеллѣ, что милосердый Господь не вмѣняетъ намъ въ вину тѣхъ прегрѣшеній нашихъ, которыя проистекаютъ изъ ложнаго представленія о вещахъ, непосредственно не поддающихся нашему разуму. Что до меня, то, съ вашего благосклоннаго соизволенія, я расскажу вамъ повѣсть, изъ которой вы увидите, насколько велико милосердіе Божіе даже и къ тѣмъ людямъ, которые по своему положенію должны были бы, кажется, подавать намъ примѣръ и своими поступками, и словами, но которые поступаютъ совершенно обратно, совершая самыя отвратительныя дѣянія, даже злодѣйства. Этимъ Господь желаетъ, очевидно, заставить насъ слѣдовать съ еще большею твердостью духа тому, чему мы должны вѣрить для своего спасенія и преклоняться, какъ передъ святыней.

Итакъ, я начинаю:

Я слыхала, что въ Парижѣ проживалъ нѣкогда одинъ богатый, крупный коммерсантъ, торговавшій сукнами. Это былъ человѣкъ въ высшей степени порядочный и безусловно честный, за что и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Былъ у него между прочимъ закадычный другъ и пріятель, нѣкій Авраамъ—еврей, который

также занимался торговлей и, подобно первому, былъ извѣстенъ какъ человѣкъ честный и прямой. Авраамъ былъ очень богатъ.

Жанно, знавшій, конечно, больше всѣхъ другихъ своего друга и его качества, глубоко сожалѣлъ, что душа такого человѣка находится на пути къ гибели, такъ какъ онъ не вѣритъ въ Христа.

Поэтому, въ дружескихъ бесѣдахъ съ Авраамомъ, онъ начинаетъ понемногу убѣждать своего друга отказаться отъ заблужденій іудейской вѣры и принять христіанство. Жанно доказываетъ еврею святость и превосходство христіанской религіи, которая, какъ онъ и самъ то видитъ,— все болѣе и болѣе распространяется и процвѣтаетъ, тогда какъ іудейская, наоборотъ постепенно угасаетъ и падаетъ.

На всѣ эти доводы и убѣжденія, еврей отвѣчалъ, что внѣ іудейской вѣры для него не существуетъ и не можетъ существовать ни святости, ни истины; что евреемъ онъ родился и прожилъ имъ до сихъ поръ, въ своей же вѣрѣ надѣется и умереть.

Несмотря на все это, Жанно не потерялъ, однако, надежды окончательно.

Нѣсколько времени спустя, онъ снова принялся за свое проповѣдничество, желая во что-бы то ни стало убѣдить своего друга сойти съ пути гибели. Въ еще болѣе краснорѣчивыхъ выраженіяхъ сталъ онъ доказывать ему всѣ его заблужденія и несостоятельность положеній его вѣры и— наоборотъ— всю истинность христіанскаго ученія, объясняя, почему именно христіанскую религію считаютъ несравненно выше и лучше іудейской.

Еврей былъ большимъ ревнителемъ догматовъ своей религіи. Однако, поколебала-ли его дружба къ Жанно, или, быть можетъ, на него произвели такое сильное впечатлѣніе слова краснорѣчиваго проповѣдника, очевидно вложенныя въ его уста самимъ Святымъ Духомъ,— довольно того, что Авраамъ сталъ слушать своего друга съ меньшей, повидимому, нетерпимостью, хотя все еще не соглашался съ его доводами, оставаясь попрежнему ярымъ защитникомъ своей религіи.

Но чѣмъ болѣе онъ упорствовалъ, тѣмъ настойчивѣе становился и Жанно.

— Вотъ что, дружище! Ты хочешь, чтобы я обратился въ христіанство,—сказалъ еврей.—Я согласенъ на это, но съ однимъ лишь условіемъ. Вотъ оно: я не стану христіаниномъ до тѣхъ поръ, пока не отправлюсь въ Римъ и не увижу тамъ того, кого ты называешь намѣстникомъ Бога на землѣ; пока не посмотрю на жизнь и дѣла окружающихъ его кардиналовъ. И если познакомившись съ тѣмъ и другимъ, такъ-же какъ и на основаніи твоихъ словъ я выведу заключеніе, что ваша вѣра, въ чемъ ты все старался убѣдить меня, дѣйствительно лучше моей,—я исполню данное тебѣ слово. Въ противномъ же случаѣ—останусь, какъ и былъ, евреемъ.

Услыхавъ такое рѣшеніе своего друга, Жанно глубоко опечалился и подумалъ про себя.

— Напрасно я трудился! А такъ хотѣлось мнѣ спасти его! Такъ я надѣялся, что мнѣ удастся его убѣдить! Эхъ!.. Пропало все дѣло! Поѣдетъ онъ теперь въ Римъ, увидитъ, конечно, злодѣйскую, порочную жизнь нашего духовенства—и ужъ, навѣрное, не только не станетъ тогда христіаниномъ, но если бы даже и уже былъ имъ, то снова обратится въ іудейство!

Но тутъ ему пришла счастливая мысль убить еврея не ѣздить въ Римъ.

— Полно, другъ мой! — обратился онъ къ нему. — Стоитъ-ли подвергать себя столькимъ опасностямъ, сопряженнымъ съ такимъ далекимъ путешествіемъ?! Будто здѣсь же, въ Парижѣ, не найдешь ты вполнѣ достойнаго священника, который могъ-бы окрестить тебя?... Наконецъ, если ты сомнѣваешься относительно какихъ-либо догматовъ вѣры, которые я объяснилъ тебѣ, то гдѣ же, какъ не здѣсь, найдешь ты лучшихъ наставниковъ и ученыхъ канониковъ. Они, повѣрь мнѣ, объяснятъ тебѣ все, о чемъ бы ты ни спросилъ ихъ. По моему, путешествіе это совершенно излишне! Вѣдь и тамъ, въ Римѣ, и здѣсь, у насъ, прелаты совершенно одинаковы; даже тамъ они еще лучше, такъ какъ ближе къ верховному пастырю! Я совѣтовалъ-бы тебѣ поэтому, если ужъ ты такъ хочешь, вообще, поѣхать въ Римъ, — отложить эту поѣздку до другого, болѣе удобнаго случая. Ты могъ-бы, напримѣръ, поѣхать туда на какой-либо юбилей;—тогда и я соберусь, пожалуй, вмѣстѣ съ тобой!

Еврей возразилъ, однако, на это.

— Я вполнѣ вѣрю тебѣ, Жанно, во всемъ! Убѣжденъ, что все, что ты говоришь—святая истина. Но рѣшенія своего я тѣмъ не менѣе не измѣню безусловно. Не настаивай же! Знай, что я не стану христіаниномъ, пока не сдѣлаю того, что сказалъ!

Видя такую рѣшимость своего друга, Жанно сказалъ:

— Ну, твое дѣло! Ступай себѣ съ Богомъ!

При этомъ, однако, онъ рѣшилъ, что еврей никогда не станетъ христіаниномъ послѣ того, какъ побываетъ въ Римѣ и увидитъ папскій дворъ.

Между тѣмъ Авраамъ сѣлъ на коня и посѣбно отправился въ Римъ. Здѣсь его встрѣтили многочисленные единовѣрцы. Не сказавъ никому ни слова о цѣли своего пріѣзда, онъ незамѣтно сталъ наблюдать за образомъ жизни папы, кардиналовъ и всего вообще папскаго двора.

Будучи человѣкомъ проницательнымъ, онъ вскорѣ успѣлъ разузнать все, что ему было нужно. И изъ всего видѣннаго имъ самимъ и слышаннаго отъ другихъ онъ пришелъ къ окончательному заключенію, что все при дворѣ папы, отъ мала до велика грѣшатъ совершенно открыто, даже не стараясь быть незамѣченными. Увидѣлъ, что все они, безъ исключенія, предаются самому отвратительному, необузданому распутству, совершая безъ всякихъ угрызений совѣсти дѣянія, отъ одной мысли о

которыхъ чувствуешь омерзене. Далѣе, что всѣ они поголовно обжоры, пьяницы, плотоугодники, больше похожіе на животныхъ, чѣмъ на людей. Затѣмъ онъ убѣдился въ ихъ скупости и алчности къ деньгамъ; въ томъ, что они готовы продать за грошъ, что угодно, даже человѣческую кровь, хотя бы и христіанскую; что они обратили въ предметъ торга даже таинства и все божественное, продавая ихъ какъ какія-нибудь вещи... И всѣмъ этимъ торговали едва ли не шире, чѣмъ въ томъ же Парижѣ разнаго рода товарами, хотя бы тѣми же самыми сукнами, какъ и онъ. Самому явному торгу духовными должностями они придали названіе «прокурерій» (предстательство), а обжорство прикрыли невиннымъ именемъ «суатентаци» (подкрѣпленіе силъ); точно Богъ не понималъ, не скажу значенія словъ, но настоящихъ побужденій этихъ порочныхъ умовъ.

Все это, равно какъ и многое другое, что пришлось видѣть еврею, и о чемъ я умолчу, произвело на него, какъ на человѣка скромнаго и умѣреннаго, самое ужасное впечатлѣніе, отъ котораго онъ долго потомъ не могъ избавиться.

Наконецъ, насмотрѣвшись вдоволь на всѣ эти прелести и, рѣшивъ, что больше и узнавать не стоитъ, — еврей отправился обратно въ Парижъ.

Узнавъ о пріѣздѣ своего пріятели, Жанно тотчасъ же отправился къ нему, не питая, впрочемъ, ни малѣйшей надежды на его обращеніе. Друзья встрѣтились радостно.

Нѣсколько дней спустя, Жанно, не желая надѣяться еврею сразу же послѣ его пріѣзда, спросилъ его, какого онъ мнѣнія о святомъ отцѣ, о кардиналахъ и о прочихъ приближенныхъ папскаго двора, — на что получилъ такой отвѣтъ:

— Самаго нежеланнаго, другъ мой! Я болѣе чѣмъ убѣжденъ, что Богъ непременно накажетъ ихъ всѣхъ! Скажу тебѣ прямо, что сколько я не искалъ, я не нашелъ ни въ одномъ изъ нихъ ни святости, ни благочестія, ни одного добраго дѣла, ни одного хорошаго примѣра: — наоборотъ: алчность, обжорство, самое необузданное распутство и тому подобныя или еще болѣе отвратительныя пороки, (если только можетъ быть что-либо мерзѣе всего этого) до такой степени всосались, какъ говорится, въ ихъ плоть и кровь, что они показались мнѣ скорѣе приверженцами дьявола, чѣмъ служителями божественнаго промысла! Говоря другими словами: послѣ долгаго, здраваго размышленія обо всемъ этомъ, я пришелъ къ заключенію, что вашъ «святой» отецъ, вмѣстѣ со всѣми своими приспѣшниками, вмѣсто того чтобы служить основаніемъ и опорой христіанской религіи, что составляетъ ихъ прямое назначеніе, употребляютъ, наоборотъ, всѣ свои усилія къ тому, чтобы изгнать ее, стереть съ лица земли.

Но такъ какъ я вижу, что несмотря на всѣ ихъ усилія, происходитъ совершенно обратное, и ваша религія не только не умираетъ, но,

наоборотъ, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе блеска и славы,—я убѣдился вполне въ томъ, что она истиннѣе и святѣе всѣхъ другихъ религій;—я понялъ теперь, что ея основаніемъ и опорой является самъ духъ святой, который не можетъ, конечно, поддерживать несправедливаго.

Поэтому: какъ прежде я упорствовалъ, несмотря на всѣ твои доводы и убѣжденія, такъ теперь, наоборотъ, ни за что въ мірѣ не откажусь отъ искренняго своего желанія стать христіаниномъ. Пойдемъ-же въ церковь и окрести меня по обрядамъ вашей святой религіи!

Жанно, ожидавшій, слушая еврея, совершенно противоположнаго заключенія, прямо ушамъ своимъ не вѣрилъ. Однако, убѣдившись, что

другъ его не шутитъ, несказанно обрадовался и тотчасъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ соборъ Парижской Богоматери и объявилъ настоятелю его о желаніи Авраама принять христіанство. Еврей подтвердилъ слова своего друга. Прелать тотчасъ, конечно, исполнилъ его просьбу. Авраама окрестили. Жанно былъ крестнымъ отцомъ своего друга и называлъ его Іоанномъ. Затѣмъ онъ поручилъ опытнымъ каноникамъ наставить новообращеннаго въ нашей вѣрѣ, которую тотъ вскорѣ постигъ въ совершенствѣ.

И сталъ, такимъ образомъ, Іоаннъ достойнымъ и благочестивымъ человекомъ.

Новелла III.

Три кольца.

Еврей Мелхиседекъ, разскажемъ о трехъ кольцахъ, избѣгаетъ опасной ловушки, которую приготовилъ ему Саладинъ.

Новелла, разсказанная Неифиле, всѣмъ очень понравилась. Когда послѣдняя замолчала, сидѣвшая рядомъ съ нею Филомена, вставъ съ своего мѣста, обратилась ко всему обществу съ слѣдующими словами:

— Друзья мои!—Слушая разсказъ Неифиле, я невольно вспомнила исторію нѣкоего еврея; чуть было не кончившуюся для него весьма плачевно, — исторію, изъ которой онъ вышелъ цѣль и невредимъ только благодаря своей находчивости и остроумному отвѣту на вопросъ, заданный ему Саладиномъ. Я думаю, что разсказъ этотъ сослужитъ вамъ, милые друзья мои, важную службу въ томъ смыслѣ, что наведетъ васъ, быть можетъ, на спасительныя размышленія о томъ, насколько нужно быть осторожнымъ, давая отвѣтъ на какой бы то ни было предложенный вопросъ. Вы знаете, что, подобно тому какъ, благодаря своей глупости, люди изъ богачей становятся нерѣдко нищими, въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ точно, наоборотъ, обладая благоразумной предусмотрительностью и природнымъ умомъ, — избѣгаютъ большихъ опасностей и изъ ничтожества достигаютъ блестящаго положенія въ обществѣ! Первое положеніе само по себѣ не требуетъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что каждому изъ васъ не разъ, навѣрное, приходилось видѣть подобнаго рода случаи своими собственными глазами (или, если не видѣть, то хотя, по крайней мѣрѣ, слышать о нихъ отъ другихъ). Справедливость же второго я имѣю въ виду доказать маленькимъ примѣромъ, разсказавъ вамъ приключенія того самаго еврея, о которомъ упомянула выше. Итакъ, я начинаю:

Саладинъ, ставшій, благодаря своему природному уму и необычайному мужеству, изъ обыкновеннаго смертнаго, не только вавилонскимъ царемъ, но и побѣдителемъ многихъ, какъ сарацинскихъ, такъ и христіанскихъ князей, — отчасти вслѣдствіе частыхъ войнъ, которыя ему приходилось вести, отчасти же благодаря своей щедрости, которою онъ, какъ извѣстно, отличался, — очутился въ одинъ прекрасный день въ весьма затруднительномъ положеніи: казна оказалась пустою; нужныхъ до зарѣзу, какъ говорится, денегъ взять было неоткуда. Призадумался тутъ султанъ и

сталъ придумывать, откуда бы ему достать денегъ. Долго-ли, мало-ли сидѣлъ онъ надъ разрѣшеніемъ этого серьезнаго вопроса,—исторія о томъ не упоминаетъ. Извѣстно лишь, что, наконецъ, онъ вспомнилъ объ одномъ еврей изъ Александріи, нѣкоемъ Мелхиседекѣ. Еврей этотъ занимался растовищичествомъ. Онъ могъ бы, конечно, выручить нашего бѣднаго султана, но захочетъ-ли, вотъ вопросъ? Впрочемъ, если даже и захочетъ, то, конечно, сдеретъ съ него, пользуясь удобнымъ случаемъ, такіе шальные проценты, какихъ Саладинъ не могъ бы ему уплатить. Итакъ, возможность получения отъ евреевъ денегъ добровольно — отпадала сама собою. Однако, съ другой стороны, прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ явному грубому насилію, заставивъ его дать денегъ противъ воли, — Саладинъ тоже не хотѣлъ. Но, какъ бы то ни было, а либо такъ,

либо иначе, на что-нибудь нужно было рѣшиться. И вотъ онъ избираетъ средній, между этими двумя, путь. Султанъ рѣшаетъ призвать къ себѣ Мелхиседека, яко бы въ гости, и задать ему такой коварный вопросъ, отвѣтъ на который могъ бы дать ему, хотя съ виѣшней стороны, предлогъ къ насилію надъ бѣднымъ евреемъ.

Сказано—сдѣлано. Приказавъ пригласить къ себѣ Мелхиседека на слѣдующій же день, онъ говоритъ ему:

— Другъ мой! Мнѣ не разъ уже приходилось слышать о тебѣ, какъ о человѣкѣ замѣчательнаго ума, хорошо притомъ знакомомъ съ различными ученіями о Богѣ. Не будучи въ состояніи разрѣшить самъ интересующаго меня вопроса о томъ, которая изъ трехъ религій истинная—еврейская, сарацинская или христіанская,—я рѣшился обратиться

за разрѣшеніемъ его къ тебѣ. И, конечно, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что ты сумѣешь дать мнѣ на него самый нравственный отвѣтъ.

Еврей, бывшій на самомъ дѣлѣ человѣкомъ очень умнымъ, сразу понялъ, что вопросомъ этимъ султанъ готовить ему какую-то ловушку. Рѣшивъ, поэтому, быть насторожбъ, онъ живо сообразилъ, что ему, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ расхваливать одной какой-либо религіи по сравненію съ двумя другими, чтобы Саладинъ не могъ узнать его дѣйствительнаго мнѣнія на этотъ счетъ. Видя, однако, что ему нужно, тѣмъ не менѣе, отвѣтить на заданный вопросъ, онъ быстро нашелся и отвѣтилъ такъ:

— Царь! Мудреный вопросъ ты мнѣ задалъ. И велишь мнѣ дать тебѣ на него отвѣтъ! Изволь! Ты узнаешь мое мнѣніе на этотъ счетъ, когда выслушаешь небольшую сказку, которую я сейчасъ расскажу тебѣ. Надѣюсь— ты ее поймешь. Такъ слушай же!

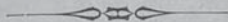
«Много лѣтъ тому назадъ, въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ одинъ знатный мужъ. Онъ былъ страшно богатъ. Среди массы драгоценностей, отъ которыхъ ломились его сундуки, былъ у него, между прочимъ, золотой перстень съ крупнымъ алмазомъ, стоившимъ громаднхъ денегъ. Хозяинъ перстня очень любилъ и цѣнилъ его. Желая, поэтому, соединить съ владѣніемъ имъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ потомковъ особыя преимущества его въ родѣ, онъ объявилъ:— тотъ изъ сыновей моихъ, которому я отдамъ собственноручно перстень и у котораго онъ окажется послѣ моей смерти,— да будетъ моимъ наслѣдникомъ. Всѣ прочіе члены семьи моей и всего рода должны оказывать ему особенное уваженіе и считать его своимъ главой.—Послѣдующіе владѣльцы перстня, слѣдующимъ примѣру своего предка, стали поступать съ перстнемъ точно также, чаще всего передавая его любезнѣйшему изъ своихъ сыновей. Долгое время кольцо переходило такимъ образомъ изъ рода въ родъ, пока, наконецъ, не досталось одному изъ членовъ его, имѣвшихъ трехъ сыновей. Всѣ три сына были красивы, стройны, отличались мужествомъ въ равной степени. Всѣ они равно любили своего отца и повиновались ему. Поэтому и отецъ относился ко всѣмъ имъ съ одинаковою любовью, никогда не оказывая одному изъ нихъ предпочтенія передъ двумя другими. Молодымъ людямъ была извѣстна исторія кольца и преимущества, связанные съ его обладаніемъ. Поэтому каждый изъ нихъ, желая быть наслѣдникомъ и считаться главою всего рода, употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы обладать имъ послѣ смерти отца, прося послѣдняго дать перстень именно ему. Бѣдный отецъ, какъ сказано, любившій всѣхъ троихъ сыновей одинаково, очутился, такимъ образомъ, въ крайне затруднительномъ положеніи, не будучи въ состояніи рѣшить, кому изъ нихъ все-же отдать предпочтеніе и тѣмъ исполнить завѣтъ своего родоначальника. Между тѣмъ каждому изъ своихъ сыновей порознь онъ обѣщаль оставить перстень. И вотъ, не желая, съ одной стороны, нарушить даннаго каждому изъ сыновей обѣщанія, съ другой же—не рѣшаясь не исполнить хоть внѣшнимъ образомъ традиціоннаго обычая рода,—онъ, послѣ долгихъ размышленій, нашелъ наконецъ способъ

удовлетворить всѣхъ своихъ троихъ сыновей. Призвавъ къ себѣ тайнымъ образомъ ювелира, опытнаго мастера своего дѣла, онъ приказываетъ ему сдѣлать два другихъ перстня, точно такихъ же, какъ и первый. Сдѣланные кольца оказались до такой степени похожими на оригиналь, что самъ отецъ, когда ему принесли ихъ, не могъ отличить поддѣльныхъ отъ настоящаго. Вскорѣ затѣмъ, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ призываетъ къ себѣ своихъ сыновей, каждого отдѣльно, и даетъ всѣмъ имъ по перстню. Послѣ его смерти, каждый изъ сыновей, считая себя наслѣдникомъ отца и главою рода, начинаетъ заявлять свои права на то и другое. Поднимается споръ. Тогда каждый изъ нихъ, въ доказательство справедливости своихъ притязаній, предъявляетъ сородичамъ данный ему отцомъ перстень. Стали тутъ всѣ сообща судить да рядить, какъ имъ быть?! Сличали кольца, сличали, — но онѣ оказались до такой степени одинаковыми, что вопросъ о томъ, у кого изъ троихъ братьевъ настоящее кольцо и кто изъ нихъ, слѣдовательно, дѣйствительный наслѣдникъ и глава рода, такъ и не былъ рѣшенъ. Не рѣшенъ онъ и до сихъ поръ. И все еще остается, такимъ образомъ, открытымъ».

— Вотъ тебѣ, царь, мой отвѣтъ на вопросъ твой о трехъ религіяхъ, данныхъ Богомъ тремъ различнымъ народамъ. Каждый изъ этихъ народовъ считаетъ себя Его настоящимъ наслѣдникомъ, убѣжденъ, что именно онъ поступаетъ по Его закону, исполняетъ настоящіе Его завѣты. Но вопросъ о томъ, кто изъ нихъ на самомъ дѣлѣ настоящій Его наслѣдникъ, исполняющій истинный Его законъ и завѣты, — вопросъ этотъ такъ же неразрѣшимъ, остается такимъ же открытымъ, какъ и тотъ другой — въ моей сказкѣ о трехъ перстняхъ.

Саладину пришлось сознаться, что умный еврей, сумѣвшій такъ ловко избѣжать подставленную ему ловушку, оказался гораздо хитрѣе его. Видя, что его замыселъ не удался и хитрость не привела ни къ чему, султанъ рѣшается признаться Мелхиседеку во всемъ. Онъ чисто-сердечно раскаивается передъ нимъ въ своемъ поступкѣ, открываетъ ему, какъ намѣревался поступить съ нимъ, если бы не получилъ отъ него на свой вопросъ такого тонкаго отвѣта, и просить его, забывъ обо всемъ, — ссудить его деньгами. Умный еврей и тутъ доказалъ свою смѣтливость, рѣшивъ, что согласившись исполнить просьбу султана онъ только выиграетъ на этомъ. Поэтому онъ тотчасъ согласился и далъ Саладину просимую сумму.

Мелхиседекъ дѣйствительно не ошибся въ своихъ расчетахъ: султанъ, въ скоромъ времени честно расплатился со своимъ умнымъ кредиторомъ и богато одарилъ его. Мало того: съ тѣхъ поръ Мелхиседекъ сталъ лучшимъ другомъ Саладина. Имѣя возможность не разъ убѣдиться въ умѣ еврея, султанъ сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ, назначилъ его правителемъ одной изъ богатѣйшихъ провинцій и окружилъ его большимъ почетомъ.

Новелла IV.

Раздѣленный грѣхъ.

Нѣкій монахъ, совершивъ дѣяніе заслуживающее весьма суровой кары, ловко избѣгаетъ заслуженнаго имъ наказанія, уличивъ въ томъ-же грѣхѣ своего игумена.

Филомена, кончивъ свой разказъ,—замолчала... Сидѣвшій съ ней рядомъ Діонео, не дожидаясь приказанія королевы и вида, что очередь за нимъ, началъ такъ:

Прелестныя дамы! Насколько я понимаю ваше общее желаніе, мы собрались здѣсь съ цѣлью развлекать другъ друга разказами. Я не желаю, конечно, быть исключеніемъ изъ общаго правила: помню сверхъ того желаніе, высказанное нашей прекрасной королевой относительно того, чтобы каждый изъ насъ разказалъ повѣсть, которую считаетъ наиболее подходящей, лишь бы только она была интересна. Поэтому, выслушавъ разказъ о томъ, какъ Авраамъ спасъ свою душу, послушавшись Жанно и о томъ, какъ Мелхиседекъ сумѣлъ благодаря своему присутствію духа и находчивости защитить свои богатства отъ покушенія на нихъ Саладина,—я думаю, что не заслужу вашихъ упрековъ, если повѣдаю вамъ о томъ, какимъ путемъ одинъ хитрый монахъ избѣгъ за совершенный имъ смертный грѣхъ весьма суровой кары. Послушайте-же:

Тому назадъ не мало лѣтъ въ Луниджантѣ находился монастырь, когда-то извѣстный строгостью и святостью жизни своихъ братій. Нынѣ слава его въ этомъ отношеніи давно ужъ уснѣбла померкнуть, да и отъ него самаго остались одиѣ лишь развалины. Среди братій этого монастыря былъ, между прочимъ, одинъ молодой монахъ, человекъ полный энергіи и силъ. Какъ попалъ онъ въ монастырь, въ виду какихъ превратностей судьбы сталъ монахомъ, о томъ мнѣ ничего неизвѣстно. Довольно того, что ни постоянныя молитвенныя бдѣнія, ни изнурительные посты,—ничто не могло побороть въ немъ здоровой, крѣпкой натуры. погасить въ его сердцѣ пылъ земныхъ страстей.

Прогуливаясь однажды, около полудня, когда все прочіе монахи спали, вокругъ монастырской ограды, онъ увидѣлъ прелестную молодую

дѣвушку, судя по наружному виду,—дочь кого-либо изъ окрестныхъ земледѣльцевъ. Она шла по полю и, нагибаясь отъ времени до времени, срывала попадавшіеся ей по пути цвѣты.

И сама дѣвушка, и гибкость ея движеній, и стройный станъ такъ

поправились нашему монаху, что онъ сразу воспылялъ къ ней самой пылкою страстью.

Не долго думая, онъ подошелъ къ прелестной незнакомкѣ и заговорилъ съ ней... Дѣвушкѣ монахъ также понравился (онъ, надо вамъ сказать, былъ очень красивъ, высокъ и строенъ), поэтому прошло недолго

времени, какъ оба они, поняли свое обоюдное желаніе какъ нельзя лучше: вскорѣ монахъ остороженько проводилъ свою даму къ себѣ въ келью...

Такъ какъ монахи, какъ я сказалъ уже, въ это время спали, то ихъ никто и не замѣтилъ.

Тѣмъ временемъ, пока наши влюбленные весело коротали другъ съ другомъ время, ловя минуты счастья,—проснулся игумень.

Проходя по общему длинному корридору, куда выходила и келья нашего монаха, онъ услышалъ въ ней шумъ, сразу же показавшійся ему подозрительнымъ. Подойдя ближе къ двери и приложивъ къ ней ухо, онъ рѣшилъ, что въ кельѣ женщина. Желая впрочемъ убѣдиться въ этомъ воочію онъ приложилъ свой глазъ къ замочной скважинѣ и, конечно, увидѣлъ все, что тамъ происходило... Первою его мыслью было—велѣть монаху отворить и поймать его такимъ образомъ на самомъ мѣстѣ преступленія. Однако, подумавъ немного, онъ рѣшилъ поступить иначе. Вернувшись въ свою келью, онъ сталъ поджидать, пока провинившійся монахъ не выйдетъ изъ своей.

Между тѣмъ монахъ нашъ, какъ ни былъ увлеченъ своей прелестной дамой, услышалъ тѣмъ не менѣ чьи-то шаги по корридору. Быстро вскочивъ на ноги, онъ подошелъ къ слуховому окошечку и сталъ глядѣть въ корридоръ. Онъ увидѣлъ игумена какъ-разъ въ то самое время, когда тотъ собирался нагнуться къ замочной скважинѣ, чтобы посмотрѣть въ нее. Видя себя пойманнымъ и зная, какая суровая кара его ожидаетъ, бѣдный монахъ, совершенно, было, растерялся и не зналъ, что ему дѣлать?! Однако, довольно скоро пришелъ въ себя. Его природная хитрость подоспѣла какъ нельзя болѣе во время, ему на выручку. Что-же онъ дѣлаетъ? А вотъ послушайте!

Не показавъ своей дамѣ и вида, что онъ встревоженъ и что что-то случилось, онъ, давъ ей понять, что имъ пора уже разстаться, говоритъ ей:

— Подожди меня здѣсь нѣсколько минутъ; я выйду посмотрѣть, нѣтъ-ли кого въ корридорѣ и можно-ли проводить тебя такъ, чтобы насъ никто не замѣтилъ!

Затѣмъ онъ выходитъ изъ своей кельи и заперевъ ее на ключъ, отправляется прямо къ отцу-игумену; даетъ ему свой ключъ, что обязаны были дѣлать монахи отправляясь куда-бы то ни было и говорить ему при этомъ:

— Отче! сегодня утромъ не успѣли доставить всѣхъ заготовленныхъ въ лѣсу дровъ. Поэтому я хотѣлъ-бы, съ вашего благословенія, отправиться туда и заняться ихъ перевозкой.

Игумень, обрадовавшись такъ неожиданно представившейся, такимъ образомъ, возможности познакомиться еще ближе со всѣми обстоятельствами, сопровождавшими совершенное монахомъ преступленіе и думая, что тотъ ничего не подозрѣваетъ, тотчасъ, конечно, даетъ ему просимое разрѣшеніе.

Когда тотъ ушелъ, игумень сталъ рѣшать, какъ ему теперь быть?! На что рѣшиться? Пойти-ли сейчасъ-же и открыть келью преступнаго монаха въ присутствіи всей монастырской братіи, чтобы тѣ убѣдились своими собственными глазами во всемъ и не имѣли-бы потомъ основанія роптать на него, если онъ накажетъ преступника слишкомъ сурово, — или-же узнать сначала отъ самой молодой дѣвушки, какъ все дѣло произошло.

Подумавъ при этомъ, что, быть можетъ, женщина эта жена или дочь кого-либо изъ уважаемыхъ окрестныхъ жителей, которому ему не хотѣлось-бы сдѣлать такого скандала, — онъ склоняется наконецъ окон-

чательно въ пользу второго своего плана дѣйствій, рѣшивъ предварительно узнать, кто она такая, и затѣмъ уже дѣйствовать, какъ то найдеть нужнымъ.

Порѣшивъ на этомъ, онъ отправляется къ кельѣ монаха, открываетъ ее и войдя туда, снова запираетъ за собою дверь на ключъ. Дѣвушка, увидя входящаго игумена, — страшно, конечно, перепугалась и дрожа отъ стыда и ужаса, начала плакать.

Между тѣмъ отецъ-игумень съ перваго-же взгляда на нее, такую красивую, свѣжую, какъ старъ онъ ни былъ, воспылалъ къ ней страстью не менѣ пылкой, чѣмъ нашъ молодой монахъ, и сталъ разсуждать самъ съ собою:

— Отчего-бы мнѣ не вкусить дивнаго блаженства, разъ я могу его получить?! Вѣдь и такъ ужъ мы предаемъ себя всевозможнымъ лишениямъ, изнуря свою плоть и духъ и постомъ, и молитвою. Никто, конечно, не узнаетъ о томъ, что здѣсь въ кельѣ находится прелестная дѣвушка, которая въ моей власти, такъ отчего-бы мнѣ не провести съ ней нѣсколькихъ пріятныхъ минутъ?! Никто никогда объ этомъ не узнаетъ. А «*peccato celato é mezzo perdonato* *)». Когда въ другой разъ представится такой случай?! Наконецъ, я думаю, что, навѣрное, большой грѣхъ — не пользоваться благомъ, когда его ниспосылаетъ самъ Господь!..

Разсуждая такимъ образомъ, святой отецъ совершенно забылъ, наконецъ, о той первоначальной цѣли, съ которой пришелъ сюда.

Подойдя къ дѣвушкѣ, все еще продолжавшей плакать, онъ сталъ успокаивать ее и утѣшать... Наконецъ, набравшись храбрости, объявился передъ ней.

Дѣвушка была не изъ алмаза и не желѣзная — и противилась не долго....

А между тѣмъ нашъ хитрый монахъ вовсе и не думалъ уходить въ лѣсъ; онъ спрятался въ корридорѣ и лишь только увидѣлъ, какъ игумень вошелъ въ его комнату — обрадовался, понявъ, что хитрость его удалась, какъ нельзя лучше. Когда же святой отецъ защелкнулъ за собою дверь, онъ убѣдился въ томъ уже окончательно.

Выйдя изъ своего наблюдательнаго поста, онъ осторожно подобрался къ слуховому окошечку и, такимъ образомъ, прекрасно увидѣлъ все, что тамъ проиходило....

Тѣмъ временемъ святой отецъ, насладившись вдоволь, вышелъ изъ кельи и, заперевъ въ ней дѣвушку, отправился къ себѣ, поджидая возвращенія монаха...

Нѣсколько времени спустя, услыжавъ его голосъ, святой отецъ, думая, что тотъ вернулся изъ лѣсу и ничего, конечно, не подозреваетъ, приказываетъ позвать его къ себѣ, намѣриваясь сдѣлать ему «подобающее внушеніе», — упрятать его въ карцеръ, дабы обладать такимъ образомъ безъ раздѣла такъ ловко пріобрѣтеннымъ лакомымъ кусочкомъ.

Монахъ явился.

Святой отецъ тотчасъ обрушивается на него самой грозной филиппикой!.. Наконецъ приказываетъ увести его и засадить въ темную на хлѣбъ и на воду.

Монахъ, выслушавъ молча грозную рѣчь игумена и услыжавъ отданное имъ приказаніе отвести его въ карцеръ, — скромно потупивъ очи, говоритъ:

— Святой отецъ! Молю васъ простить меня на этотъ разъ: я такъ еще недавно поступилъ въ вашъ орденъ, что не успѣлъ узнать въ совершенствѣ всѣхъ его правилъ. До настоящаго дня вы не научили

*) Поговорка: «скрытый грѣхъ на половину прощенъ».

меня, какъ должны поступать монахи въ случаяхъ подобнаго рода. Теперь-же, послѣ того какъ вы подали мнѣ благой тому примѣръ, — я даю вамъ клятвенное обѣщаніе поступать впредь въ случаяхъ того-же рода такъ-же, какъ поступили вы. Я обѣщаю вамъ дѣлать такъ-же какъ и видѣлъ, сдѣлали вы.

Игумень, услыхавъ такія слова монаха, тотчасъ, конечно, понялъ, что тотъ не только видѣлъ все, но и оказалъ къ тому-же гораздо хитрѣе его. Видя и себя самага уличеннымъ въ томъ же грѣхѣ, за который собирался расправиться такъ жестоко съ монахомъ, онъ тотчасъ, конечно, поспѣшилъ взять свои слова обратно.

Условившись затѣмъ съ своимъ духовнымъ сыномъ — хранить обоюдное молчаніе обо всемъ происшедшемъ, святой отецъ вмѣстѣ съ нимъ никѣмъ незамѣченные осторожно проводили молодую дѣвушку за ограду монастыря.

И надо думать не разъ съ той поры находили удобный случай принимать ее у себя, дѣлаясь по братски, ниспосланной имъ свыше благодатью.

Новелла V.

Куры и потушенная страсть.

Маркиза де Монферра объдомъ, приготовленнымъ изъ однихъ куръ въ разныхъ видахъ, и нѣсколькими остроумными словами погашаетъ во французскомъ королѣ пылкую къ ней страсть.

Новелла, рассказанная Діонео, произвела было въ началѣ нѣкоторое замѣшательство: дамы переконфузились, краска стыда и скромной стыдливости выступила на ихъ нѣжныхъ личикахъ. Хотя стѣсненіе прошло, конечно, очень быстро, королева тѣмъ не менѣе сочла своимъ долгомъ пожурить Діонео, давъ ему понять, что такого рода новеллъ не слѣдовало бы рассказывать въ присутствіи дамъ. Затѣмъ, обратившись къ Фіаметтѣ, сидѣвшей рядомъ съ Діонео, она дала ей знакъ — слѣдующей очереди — рассказать свою новеллу. Фіаметта быстро встала со своего мѣста и, весело улыбаясь, начала такъ:

— Все предыдущіе рассказчики, прелестныя мои дамы, — задались, повидимому, цѣлью: одни — доказать своими новеллами всю силу остроумныхъ и мѣткихъ отвѣтовъ, другіе — выяснитъ причины, по которымъ мужчина стремится чаще всего добиться любви у женщинъ, стоящихъ выше его въ обществѣ. Не желая, поэтому, съ одной стороны, измѣнить принятому нами сегодня направленію нашихъ новеллъ; съ другой, одобряя безусловно образъ дѣйствій тѣхъ дамъ, которыя предусмотрительно избѣгаютъ опасныхъ любовныхъ интригъ съ мужчинами, стоящими, наоборотъ, выше ихъ по своему положенію, — я имѣю въ виду рассказать вамъ новеллу, о томъ, какъ одна знатная дама своимъ остроумнымъ поступкомъ и умною рѣчью сумѣла избѣжать такой опасности, избавивъ отъ нея также и мужчину. Слушайте же!

Маркизь де-Монферра, глубокой ревнитель вѣры, отличившійся, какъ извѣстно, замѣчательнымъ мужествомъ, отправился однажды въ далекій путь за море воевать съ нечестными. Какъ то разъ о маркизь зашелъ разговоръ при дворѣ французскаго короля Филиппа Кривого, также собиравшагося присоединиться къ великой арміи крестоносцевъ. Одинъ изъ состоявшихъ при королевскомъ дворѣ молодыхъ людей сталъ при этомъ

восторженно отзываться какъ о самомъ маркизѣ, такъ и о его прелестной женѣ.—Я не знаю,—воскликнулъ онъ,—найдется ли на всемъ земномъ шарѣ другая подобная имъ чета?!.. Какъ маркизъ превосходить всѣхъ мужчинъ доблестью и мужествомъ, такъ маркиза, его жена, затмѣваетъ всѣхъ прочихъ женщинъ своей замѣчательной, прямо божественной красотой и добродѣтью.

Слова эти произвели на бывшего тутъ же французскаго короля такое сильное впечатлѣніе, что несмотря на то, что онъ никогда не видѣлъ маркизы, вдругъ воспыла къ ней безумною страстью. Собираясь, какъ я говорила, какъ разъ къ этому времени въ походъ и горя желаніемъ увидѣть во что-бы то ни стало дивную красавицу, король рѣшается сѣсть на корабль въ Генуѣ, добравшись туда сухимъ

путемъ. Такимъ образомъ ему могъ представиться удобный случай—посѣтить по пути маркизу. Конечно, нечего и говорить о томъ, что влюбленный король рѣшилъ поступить такъ не безъ задней мысли, надѣясь въ глубинѣ души, что ему удастся, благо мужъ маркизы далеко, — побороть добродѣтельную матрону и добиться ея взаимности.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ въ тотъ же день отправляетъ впередъ, прямо въ Святую Землю, свою армию и большую часть свиты, самъ же, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ человекъ изъ своихъ приближенныхъ и немногихъ слугъ, направляется къ Генуѣ. Подъѣзжая къ владѣніямъ маркиза, король отправляетъ къ его супругѣ гонца, которому велитъ передать маркизѣ отъ его имени свое желаніе

познакомиться съ ней и что съ этою цѣлью будетъ къ ней на слѣдующій день къ обѣду. Маркиза, какъ женщина умная и воспитанная, велитъ, конечно, передать королю, что она сочтетъ для себя за великую честь принять такого высокаго гостя, что она польщена и ждетъ его съ восторгомъ. Когда гонецъ ушелъ, маркиза, однако, задумалась: что бы могъ означать этотъ необыкновенный визитъ короля, особенно теперь, когда мужъ ея уѣхалъ? — спрашивала она себя. Но, тѣмъ не менѣе, какъ женщина свѣтская и тактичная, рѣшила принять его какъ можно лучше.

Предупредивъ своихъ приближенныхъ о предстоящемъ на слѣдующій день визитѣ французскаго короля, маркиза поручаетъ имъ распорядиться приготовленіемъ всего нужнаго для пріема такого знатнаго гостя. Что же касается собственно обѣда, — объявляетъ она, — то всѣ распоряженія на этотъ счетъ, такъ же какъ и выборъ блюдъ, я принимаю на себя.

Велѣвъ позвать къ себѣ поваровъ, она приказываетъ имъ приготовить всѣ кушанья къ обѣду изъ однѣхъ только куръ въ разныхъ видахъ, и притомъ такъ, чтобы ни въ одно блюдо, Боже сохрани, не входило никакого другого мяса, кромѣ куринаго.

На слѣдующій день, въ условленный часъ, прибылъ король со своей свитой. Маркиза, бывшая въ этотъ день особенно интересной, встрѣтила гостя съ подобающимъ его сану почетомъ. Король съ перваго же взгляда на маркизу увидѣлъ, что она еще красивѣе и обаятельнѣе, чѣмъ онъ представлялъ ее себѣ со словъ своего придворнаго. Онъ пришелъ въ неописуемый восторгъ и сразу же наговорилъ маркизѣ цѣлую кучу комплиментовъ... Черезъ нѣсколько минутъ разговора съ новой своей знакомой, обѣдныи король былъ уже, какъ говорится, по уши влюбленъ въ нее. Страсть и желаніе обладать прелестной женщиной овладѣвали имъ все сильнѣе и сильнѣе. Не успѣлъ онъ, между тѣмъ, и оглянуться, какъ наступилъ часъ обѣда, и маркиза, сидѣвшая съ нимъ въ роскошной залѣ, богато и со вкусомъ декорированной въ честь его прибытія, повела его въ столовую. Король съ маркизой сѣли за отдѣльный столъ; всѣ же остальные гости — приближенные короля и маркизы — размѣстились на другихъ столахъ, накрытыхъ тутъ же.

Стали подавать кушанья. Изысканныя блюда, тонкія вина и бесѣда съ обворожительной хозяйкой, на которую король не переставалъ кидать влюбленные, полные восторга и страсти взгляды, окончательно вкружили ему голову. Между тѣмъ блюда слѣдовали одно за другимъ.

Какъ ни былъ нашъ обѣдныи король поглощенъ своей прелестной собесѣдницей, онъ, тѣмъ не менѣе, замѣтилъ, что подаваемые кушанья, правда очень разнообразныя, приготовлены изъ одного куринаго мяса. Это его не мало, конечно, удивило, тѣмъ болѣе, что ему было прекрасно извѣстно, что страна, куда онъ пріѣхалъ, особенно изобилуетъ всякаго рода дичью, а не только однѣми курами. Кромѣ того, онъ вѣдь предупредилъ хозяйку о своемъ посѣщеніи за цѣлый день впередъ — срокъ,

вполнѣ достаточный для того, чтобы успѣть настрѣлять другой дичи. Какъ бы ни было, однако, велико его удивленіе, онъ не рѣшился, понятно, высказать его прямо и лишь воспользовался этимъ «страннымъ» обѣдомъ какъ предлогомъ для шутки:

— Скажите, сударыня!—обратился онъ къ маркизѣ:—что, развѣ въ вашей странѣ родятся однѣ только курицы, и нѣтъ вовсе пѣтуховъ?!

Маркиза прекрасно поняла скрытый смыслъ предложеннаго ей вопроса. Онъ былъ для нея какъ нельзя болѣе кстати: ей представлялся удобный случай пояснить словами то, что она имѣла въ виду дать понять королю своимъ обѣдомъ. Поэтому съ обворожительной улыбкой на устахъ она поспѣшила отвѣтить:

— О, да, государь! Конечно,—есть и пѣтухи. Но женщины, какъ бы онѣ не отличались другъ отъ друга своей одеждой и положеніемъ въ обществѣ, созданы у насъ такъ же, какъ и въ другихъ странах!

Услыхавъ такой отвѣтъ, король понялъ причину, по которой блюда къ обѣду подавались только изъ однѣхъ куръ, равно какъ и смыслъ полученнаго отвѣта. Видя, такимъ образомъ, что съ маркизой только даромъ потеряешь время и устанешь лишь изощрять свое краснорѣчіе, ничего отъ нея не добившись,—онъ, какъ человекъ умный, рѣшилъ, что ему не остается ничего другого, какъ, бросивъ всякую надежду на что бы то ни было,—потушить возможно скорѣе такъ внезапно вспыхнувшую въ немъ страсть. Поэтому, по окончаніи обѣда, поблагодаривъ хозяйку за радушіе и за оказанный ему приемъ; онъ распрощался съ ней и, пожелавъ ей всего лучшаго, поспѣшилъ въ Геную, желая тѣмъ скрыть цѣль своего визита къ прелестной маркизѣ.

Новелла VI.

Сто за одно.

Нѣкій юноша уличаетъ служителей церкви въ ханжествѣ.

Повѣсть о красавицѣ-маркизѣ и объ остроумномъ урокѣ, данномъ ею французскому королю, чрезвычайно всѣмъ понравилась. Посыпались разныя замѣчанія, шутки по поводу разсказаннаго. Надъ несчастнымъ королемъ, такъ жестоко обманувшимся въ своихъ надеждахъ, много смѣялись,—особенно, конечно, дамы. Когда, наконецъ, шумъ и смѣхъ понемногу стихли,—поднялась Эмилія, сидѣвшая рядомъ съ Фіаметтой и по знаку, данному королевой, начала такъ:

По примѣру Фіаметты, я повѣдаю вамъ, милые друзья мои, о другомъ урокѣ, данномъ однимъ міряниномъ алчному монаху. Итакъ, слушайте же:

Не такъ давно тому назадъ, жилъ да былъ въ нашей странѣ одинъ монахъ—членъ инквизиціоннаго судилища, извѣстный всѣмъ за яраго обличителя и преслѣдователя всевозможныхъ еретическихъ ученій. Впрочемъ, какъ и большинство его собратій, онъ дѣлалъ, какъ говорится, изъ кожи вонъ, чтобы казаться благочестивымъ поборникомъ христіанской религіи, охотише брался за наставленіе на путь истины тѣхъ изъ отклонившихся отъ него, которые имѣли туго набитый кошелекъ, нападавъ менше яро на тѣхъ, кто таковымъ не обладалъ. Въ этомъ отношеніи, надо отдать ему въ томъ справедливость, святой отецъ охулки на руку не клалъ. Дѣла его долгое время шли самымъ блестящимъ образомъ и притомъ такъ, что никакихъ ни недоразумѣній, ни неприяностей между нимъ и его духовными овцами не происходило. Но въ одинъ прекрасный день случилась съ нимъ такого рода исторія: Попался ему въ руки, между прочимъ, одинъ очень богатый юноша, который сказалъ въ кругу своихъ друзей, во время пирушки съ ними, скорѣе по глупости своей, чѣмъ изъ богохульства, и можетъ быть даже подъ вліяніемъ чрезмѣрно выпитаго,—что у него есть вино, да такое, что и самъ Христосъ выпилъ бы его охотно.

Объ этомъ сообщили инквизитору.

Последній, провѣдавъ про богатства неосторожнаго юноши, тотчасъ, лично, <cum gladiis et fustibus> принялся за энергичное преслѣдованіе его, правильно разсудивъ, что въ накладѣ отъ того не останется, что если процессъ и не приведетъ, съ одной стороны, къ исправленію вѣры обвиняемаго, то зато съ другой—будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ другое, болѣе интересное для него лично явленіе: переходъ изъ кошелька юноши въ его собственный изряднаго количества золотыхъ кружковъ. А къ таковымъ благочестивый отецъ-инквизиторъ относился съ чрезвычайною, надо вамъ сказать, любовью.

Приказавъ привести къ себѣ преступника, онъ спрашиваетъ его, правда ли то, что о немъ донесли?

На утвердительный отвѣтъ послѣдняго, онъ обрушивается на него грозной филиппикой:

— Несчастный! Итакъ ты съдѣлалъ изъ Христа какого-то пьяницу, любителя тонкихъ винъ?! Ты уподобилъ Его какому-нибудь Чинчиліоне или кому-либо другому изъ вашихъ мерзкихъ пропойцъ, вѣчныхъ за-всегдатаевъ кабаковъ?! И теперь ты стараешься совершенно спокойно убѣдить меня въ томъ, что это самый незначительный проступокъ?! Ты ошибаешься, другъ мой, если думаешь такъ! Твой поступокъ—тягчайшее преступленіе! Ты достоинъ за него свирѣйшей казни; и знай, что если бы я захотѣлъ поступить съ тобой такъ, какъ ты того заслужи-ваешь, и какъ бы я долженъ былъ съ тобой поступить, — ты кончилъ бы свою презрѣнную жизнь на кострѣ!

Слова эти, равно какъ и многія другія, съ которыми инквизиторъ обрушился на несчастнаго юношу съ такой яростью, какъ будто бы передъ нимъ стоялъ самъ Эпикуръ, отрицающій безсмертіе души,—произвели на него такое ужасное впечатлѣніе, что у него прямо душа ушла въ пятки.

Несчастнаго охватилъ такой ужасъ, что онъ не зналъ, что и дѣлать. На выручку подоспѣли его друзья, посоветовавшіе ему смазать какъ слѣдуетъ руки грознаго судьи изряднымъ количествомъ презрѣннаго металла, что онъ тотчасъ и поспѣшилъ, конечно, сдѣлать, поручивъ это дѣло одному изъ своихъ близкихъ.

Мазь этого рода дѣйствуетъ, какъ вамъ извѣстно, въ высшей степени благотворно на нѣкую болѣзнь, которою бѣдные монахи всѣ ужасно страдаютъ.

Странно, что о такомъ цѣлебномъ бальзамѣ, дѣйствующемъ такъ быстро и притомъ навѣрняка, не упоминается почему-то ни въ одномъ изъ медицинскихъ трактатовъ!

Какъ бы то ни было, но это всемогущее средство подѣйствовало и за руки инквизитора и притомъ такъ благотворно, что костеръ, которымъ онъ угрожалъ юношѣ, превратился вдругъ въ простое крестное знаменіе, которымъ ему приказано было осѣнить себя тутъ же въ присутствіи его самого, да въ наложеніи на него, въ видѣ эпитиміи, обязанности посѣщать въ теченіе нѣсколькихъ дней службу въ монастырской церкви и являться послѣ этого къ святому отцу для выслушанія назидательныхъ правилъ жизни. Все остальное время обвиняемому предоставлена была полная свобода дѣлать, что ему угодно.

Не на шутку было трусовишій юноша, которому перспектива быть изжареннымъ на медленномъ огнѣ, какъ какое-нибудь жаркое, не очень, конечно, улыбалась,—былъ въ восторгѣ.

Онъ началъ рьяно выполнять возложенную на него эпитимію, посѣщая очень усердно церковь и внимательно слушая совершавшуюся службу.

На второй или на третій день, слушая особенно внимательно читавшееся, какъ-разъ, Евангеліе, онъ услыхалъ, между прочимъ, слѣдующія слова его: «вы получите сто за одно и будете наслѣдниками жизни вѣчной».

Представъ, по окончаніи службы, согласно данному ему приказанію, предъ ясныя очи своего милосерднаго судьи, юноша скорчилъ жалостливую гримасу.

На вопросъ инквизитора, былъ ли онъ въ церкви, онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Да, святой отецъ.

— Не слышалъ ли ты, быть можетъ, во время службы, чего-либо какого, въ чемъ сомнѣваешься и на счетъ чего хотѣлъ бы спросить меня?—спросилъ его затѣмъ монахъ.

— Нѣтъ, отче!—возразилъ юноша,—у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній относительно всего слышаннаго мною. Напротивъ того: я вполне искренно вѣрю всему. Но одні слова, слышанныя мною сегодня, повергли меня въ уныніе. Я преисполненъ чувства самаго искренняго состраданія и участія къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ собратіямъ!

— Какія же это такія слова произвели на тебя такое впечатлѣніе— снова спросилъ инквизиторъ.

На это получилъ отвѣтъ:

— То мѣсто Евангелія, отче, въ которомъ говорится: «вы получите сто за одно!».

— Слова эти вполне справедливы! Но почему же, я не понимаю, они тебя такъ тронули?—удивился монахъ.

— Да какъ же отче! Всякій разъ приходя къ вамъ, я вижу, какъ бѣднымъ выносятъ изъ монастыря то одинъ, а то и два громадныхъ котла супу, который остается послѣ монастырской трапезы! А если вамъ вернуть послѣ, на томъ свѣтъ, за каждый изъ нихъ сто,—какъ говорится въ Евангеліи,—то, вѣдь, ихъ будетъ такъ много, что и вы, и всѣ другіе милосердные монахи должны будутъ непременно утонуть въ нихъ!

Всѣ гости, сидѣвшіе за столомъ инквизитора, громко захохотали.

Послѣдній прекрасно понималъ, что сказанное неустрашимымъ юношей,—было злѣйшей сатирой на него и его собратій, намекающей на ихъ ханжество.

Еслибы только его не пугала мысль о возможности обнаруженія его взяточничества, онъ возбудилъ бы, конечно, противъ дерзкаго юноши новый процессъ.

Видя, однако, свое безсиліе и опасное положеніе въ этомъ дѣлѣ,—онъ сдѣлалъ видъ, будто не понималъ скрытаго смысла сказаннаго и отпустилъ остроумнаго юношу, махнувъ на него рукой и рѣшивъ быть впредь болѣе осторожнымъ.

Новелла VII.

Бергамино.

Бергамино разсказомъ о Примассо и Клюнинскомъ аббатѣ мѣтко уличаетъ въ скупости синьора Кане-делла-Скала.

Мастерски разсказанная Эмилией повѣсть разсмѣшила королеву и все общество. Всѣ хвалили остроумную выходку юноши. Когда, наконецъ, шумъ и смѣхъ понемногу стихли, поднялся Филострато, очередь котораго теперь наступила, и началъ такъ:

— Прелестныя дамы! Слѣдуя по стопамъ всѣхъ говорившихъ до меня и, въ частности, вполне соглашаясь съ замѣчаніемъ несравненной Фіаметты, сдѣланнымъ ею по поводу направленія разсказываемыхъ нами сегодня новеллъ, я имѣю въ виду разсказать вамъ повѣсть, слышанную мною недавно отъ одного пріятеля. Я вспомнилъ о ней, слушая Фіаметту. Вотъ она:

<Имя синьора Кане-делла-Скала не даромъ пользовалось громкой извѣстностью по всей Италіи. Ему замѣчательно везло въ жизни во всемъ, за что бы онъ ни принимался. Можно смѣло утверждать, что въ нашей странѣ, начиная отъ Фридриха II и вплоть до настоящихъ дней,— не было болѣе знатнаго и богатаго сановника.

Синьоръ Кане жилъ очень широко. Не жалѣлъ денегъ на богатые приемы и часто задавалъ пиры, на которые съѣзжались чуть ли не со всѣхъ концовъ Италіи. Разъ какъ то, задумавъ устроить одинъ изъ такихъ пировъ въ Веронѣ, онъ разослалъ уже массу приглашеній, между прочимъ многимъ артистамъ, которыхъ, вообще, очень любилъ; какъ вдругъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего, измѣнилъ свое намѣреніе. Объявивъ прибывшимъ уже въ городъ на ожидаемый праздникъ, что онъ отлагается на неопредѣленное время, синьоръ делла-Скала богато одарилъ ихъ и отпустилъ по домамъ. Лишь одинъ изъ прибывшихъ гостей, нѣкто Бергамино, артистъ по профессіи,—человѣкъ, обладавшій острымъ языкомъ и рѣдкимъ даромъ слова, не получилъ

отъ Кане ничего. Думая, что послѣдній случайно забылъ о немъ и вознаграждать его за это сторицею, Бергамино рѣшилъ остаться въ городѣ и ждать, пока о немъ не вспомнятъ. Между тѣмъ синьоръ делла-Скала, хорошо знавшій широкую натуру артиста, нисколько не забылъ о немъ, но рѣшилъ, что дать ему денегъ—все равно что выбросить ихъ за окно, нарочно не сказалъ ему ничего, сдѣлавъ видъ, что забылъ о немъ. Проходитъ нѣсколько дней—Бергамино не зовутъ. Потратившись порядочно на жизнь въ Веронѣ, въ ожиданіи земныхъ отъ сего благъ, артистъ начинаетъ наконецъ беспокоиться, но все же рѣшаетъ остаться и ждать. Проходитъ еще нѣсколько дней—его все не зовутъ. А между тѣмъ Бергамино очутился безъ копѣйки денегъ; хозяинъ же гостиницы, въ которой онъ остановился, требуетъ съ него уплаты. Какъ тутъ-быть? На счастье Бергамино его спасли три роскошныхъ платья, привезенныхъ имъ съ собою на праздникъ. Платья эти были ему подарены однимъ богатымъ сановникомъ, очень любившимъ талантливаго артиста. Не долго думая, Бергамино предлагаетъ хозяину гостиницы взять въ уплату своего долга одно изъ этихъ платьевъ, на что тотъ охотно соглашается. По первое платье было прожито очень скоро; пришлось приняться за второе, а тамъ наступила очередь и третьему. Бѣдный Бергамино все еще не отчаивается въ томъ, что сановникъ въ концѣ-концовъ о немъ вспомнитъ и вознаградитъ его за всѣ тѣ мытарства, которыя ему приходилось перенести.

Но, въ одинъ прекрасный день, потерявъ, наконецъ, окончательно и терпѣніе, и надежду на что бы то ни было, онъ рѣшается отправиться къ сановнику и напомнить ему, такимъ образомъ, о себѣ.

При появленіи артиста, синьоръ Кане сѣлся какъ-разъ за столъ. Подойдя къ нему и здороваясь, Бергамино скорчилъ при этомъ такую грустную физиономію, что сановникъ, скорѣе для того, чтобы посмѣяться надъ бѣднымъ артистомъ, чѣмъ изъ участія къ нему, спрашиваетъ его:

— Что съ тобою, Бергамино?! Отчего ты такъ печаленъ?.. Что-жъ молчишь ты? Расскажи намъ причину твоей грусти!

Бергамино не заставилъ себя долго упрашивать и дѣйствительно рассказалъ слѣдующую повѣсть, подходившую по своему содержанию какъ нельзя болѣе къ положенію, въ которомъ онъ находился:

— Синьоръ!— началъ онъ, — вамъ, навѣрное, знакомо имя Примассо— знаменитаго грамматика, отличавшагося кромѣ того удивительнымъ талантомъ говорить экспромты стихами на любую заданную ему тему. Благодаря этому таланту, такъ же какъ и научными своими трудами, человекъ этотъ приобрѣлъ такую славу и уваженіе къ себѣ не только въ Италіи, но и далеко за предѣлами ея, что всякій ребенокъ никогда не видавшій его, и тотъ зналъ великолѣпно, кто такой Примассо. И тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, знаменитый ученый былъ очень бѣденъ и нерѣдко, прямо-таки, нищенствовалъ! Люди богатые и знатные, увы, мало цѣнятъ талантъ и скудно оплачиваютъ его проявленія... Будучи однажды въ

Парижъ и переживая какъ разъ одну, изъ такихъ тяжелыхъ минутъ своей жизни, Примассо какъ то разъ совершенно случайно былъ свидѣтелемъ разговора нѣсколькихъ лицъ о Клюнинскомъ аббатѣ, считавшемся среди всего католическаго духовенства первымъ богачемъ послѣ папы. Собесѣдники рассказывали о немъ прямо чудеса: говорили о его замѣчательной щедрости, рассказывая, между прочимъ, о томъ, что домъ аббата всегда открытъ для всѣхъ и что всякій, кто бы ни пришелъ къ нему въ обѣденное время, — могъ и ѣсть и пить, сколько душѣ угодно.

Услыхавъ все это, Примассо рѣшаетъ отправиться къ аббату, дабы убѣдиться воочию въ справедливости всего того, что о немъ рассказывали.

Узнавъ, что прелать живетъ недалеко отъ Парижа, въ своемъ загородномъ помѣстьѣ, миляхъ въ четырехъ отъ города, Примассо на слѣдующій же день, рано утромъ, собрался въ путь, разсчитавъ, что поспѣетъ къ великодушному богачу какъ разъ къ обѣду. Не зная хорошо дороги и боясь заблудиться, въ случаѣ, если не встрѣтитъ никого по пути, онъ захватилъ съ собою на всякій случай три хлѣба. — Воды-то я вездѣ достану! — рѣшилъ онъ, скорчивъ при этомъ гримасу, ибо воду, правду сказать, — мало любилъ. Итакъ, сунувъ за пазуху три своихъ хлѣба, онъ бодро и весело отправился въ путь.

Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы Примассо подходилъ уже къ дому аббата. Узнавъ, что обѣдъ начнется скоро, онъ вошелъ въ домъ. Окинувъ быстрымъ взглядомъ громадную, роскошно убранную комнату, въ которой было накрыто нѣсколько большихъ длинныхъ столовъ для ожидаемыхъ гостей, и увидя массу великолѣпныхъ кушаний, стоявшихъ на отдѣльномъ столѣ, Примассо убѣдился, что все слышанное имъ о роскоши и щедрости аббата совершенно справедливо и нисколько не преувеличено. Ставъ въ сторонкѣ и продолжая оглядывать комнату и прибывшихъ гостей, Примассо задумался. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ комнату вошелъ представительный дворецкій и приказалъ слугамъ принести, по обычаю того времени, воды для омовенія рукъ. Когда операція эта была окончена, тотъ же дворецкій указалъ каждому изъ гостей мѣсто за столомъ. Случилось такъ, что Примассо посадили какъ разъ противъ двери, ведущей изъ покоевъ прелата. Надо вамъ сказать, синьоръ, что въ домъ аббата, по разъ заведенному правилу, ни кушанья, ни вина, ни даже хлѣбъ — не ставились на общіе столы раньше, пока за него не садился самъ хозяинъ. Когда, такимъ образомъ, гости усѣлись на указанныя имъ мѣста, дворецкій посылаетъ старшаго изъ слугъ доложить его святости, что обѣдъ готовъ. Вскорѣ аббатъ показывается на порогѣ столовой, причемъ его взоръ падаетъ совершенно случайно на Примассо, сидѣвшаго, какъ я сказалъ, противъ самой двери, откуда тотъ выходилъ. Взглянувъ на потасканное платье Примассо, прелать поморщился.

Въ его сердце закралось вдругъ нехорошее чувство, никогда до сихъ поръ у него не появлявшееся: — не угодно ли посмотрѣть, —

подумалъ онъ про себя, — какихъ оборванцевъ кормлю я за своимъ столомъ?!—Аббатъ поворачивается вдругъ назадъ и приказавъ затворить за собою двери, спрашиваетъ своихъ слугъ, кто тотъ субъектъ, который сидитъ какъ-разъ противъ нихъ. Никто изъ слугъ не могъ отвѣтить прелату на его вопросъ, такъ какъ никто изъ присутствующихъ не зналъ Примассо. Между тѣмъ, прошло такимъ образомъ минутъ десять. Примассо, совершивъ такой длинный путь успѣлъ уже проголодаться. Видя, что аббатъ долго не появляется, онъ не долго думая, вынимаетъ изъ-за пазухи одинъ изъ своихъ хлѣбовъ и безъ стѣсненія начинаетъ его уплетать. Въ это время аббатъ посылаетъ одного изъ слугъ посмотреть, не ушелъ ли тотъ субъектъ? Посланный возвращается съ отвѣтомъ, что

онъ не только не ушелъ, но еще ѣсть хлѣбъ, который принесъ, повидимому, съ собою.

Недовольный аббатъ воскликнулъ: — Прекрасно! пусть себѣ наслаждается своимъ хлѣбомъ, такъ какъ моего онъ сегодня не попробуетъ!

Прелатъ все еще не собирався выйти въ столовую, разсчитывая, что Примассо, наконецъ, догадается и уйдетъ. Однако тотъ вовсе не имѣлъ этого въ виду и, дожидавъ еще нѣкоторое время, принялся за второй хлѣбъ, о чемъ также должно было прелату. Наконецъ, прождавъ еще минутъ десять и видя, что хозяинъ все еще не приходитъ, Примассо, окончивъ со вторымъ хлѣбомъ, принимается за третій. Когда объ этомъ

снова доложили аббату, — онъ задумался: — да что же это стало вдругъ сегодня со мною? — заговорилъ онъ вслухъ самъ съ собой, — какъ закралось въ мое сердце это чувство жадности и презрѣнія къ этому человѣку, котораго къ тому же я вовсе даже и не знаю? Вѣдь вотъ ужъ сколько лѣтъ подрядъ кормлю я всѣхъ, кто бы ко мнѣ ни пришелъ, не обращая вниманія на то, кто онъ: дворянинъ ли, или простой человѣкъ, богачъ или нищій, честный человѣкъ или разбойникъ? Отчего же вдругъ явилось во мнѣ такое пренебреженіе именно къ этому человѣку?! Полно, прочь это скверное чувство! Нужно пойти и заглядить мою вину передъ нимъ! Къ тому же мнѣ почему-то кажется, что онъ не кто-нибудь.

Пославъ своего приближеннаго спросить незнакомца, кто онъ такой, и узнавъ, что это Примассо, пришедшій сюда съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли правда все то, что ему рассказывали о его замѣчательномъ великодушіи и щедрости, — аббатъ, которому не разъ, конечно, приходилось слышать о Примассо и о его учености — устыдился еще больше своего сквернаго чувства и рѣшилъ отнестись къ знаменитому ученому съ особеннымъ уваженіемъ. Тотчасъ, выйдя въ столовую, онъ подошелъ къ Примассо, поздоровался съ нимъ и выразивъ ему свою радость видѣть у себя столь почетнаго гостя, усадилъ его за своимъ столомъ — рядомъ съ собою. Послѣ обѣда онъ приказалъ проводить его въ уборную и одѣть въ лучшее платье; подарилъ ему прекрасную лошадь и отпустилъ, щедро одаривъ деньгами. Обрадованный Примассо, восхваляя великодушіе и щедрость аббата, возвратился, такимъ образомъ, обратно въ Парижъ верхомъ, въ роскошномъ платьѣ и съ туго набитымъ кошелекомъ.

Синьоръ Кане, бывшій человѣкомъ умнымъ, конечно, прекрасно понялъ то, что Бергамино имѣлъ въ виду своимъ рассказомъ! Улыбнувшись, онъ сказалъ остроумному артисту:

— Бергамино! Ты очень тонко далъ мнѣ понять своимъ рассказомъ всю несправедливость моего поступка съ тобой, твои заслуги и мою скупость, наконецъ то, чего ты отъ меня хочешь! Я не менѣе аббата удивляюсь, откуда появилось во мнѣ эта скупость, которой, какъ тебѣ извѣстно, — я никогда не отличался. Но успокойся, пожалуйста! Я изгоню изъ своего сердца это поистинѣ скверное чувство той же палкой, которую ты указалъ мнѣ въ своемъ рассказѣ.

И приказавъ уплатить хозяину гостиницы все, что ему задолжалъ Бергамино, Кане дела - Скала далъ послѣдному одно изъ лучшихъ своихъ плаатевъ, денегъ, превосходную лошадь и кромѣ того предложилъ ему остаться у него сколько заблагоразсудится.»

Новелла VIII.

Проученный скупецъ.

Гвильемо Борсиере задѣваетъ за живое синьора Эрмино ди Гриммальди, тонко уличая его въ скупости.

Послѣ Филострато очередь была за сидѣвшей рядомъ съ нимъ Лауреттой. Послѣдняя, выждавъ пока не стихло общее шумное одобреніе изобрѣтательности Бергамино, такъ тонко уличившаго синьора Кане въ скупости, и не дожидаясь приказанія королевы, начала такъ:

Дорогіе друзья мои! Слущая исторію, рассказанную милымъ Филострато, я невольно вспомнила о другой, подобной же, которую имѣю въ виду вамъ повѣдать.

Изъ нея вы увидите, какимъ путемъ одинъ знатный дворянинъ задѣлъ «за живое» нѣкоего богача, уличивъ его въ скряжничество.

Хотя скупость, которой страдалъ одинъ изъ героевъ моей повѣсти и подобна той, о которой вамъ повѣдали въ предыдущей новеллѣ, — думаю, что рассказъ мой вамъ тѣмъ не менѣе понравится, особенно, если вы обратите вниманіе на то благотворное послѣдствіе, съ которымъ было связано это обличеніе. Итакъ, я начинаю:

Много лѣтъ тому назадъ проживалъ въ Генуѣ одинъ знатный дворянинъ. По увѣренію всѣхъ знавшихъ синьора Эрмино ди-Гриммальди (такъ звали моего героя) онъ былъ колоссальнѣйшимъ богачемъ, превосходившемъ въ этомъ отношеніи во много разъ всѣхъ другихъ богачей, какія только были въ то время въ Италіи. Но превосходя послѣднихъ своими несмѣтными сокровищами, онъ въ то же время превосходилъ своей неслыханной скупостью и алчностью всѣхъ самыхъ отвратительныхъ скрягъ всего міра. Онъ не только не тратилъ ни копейки на другихъ, но даже и самому себѣ отказывалъ чуть ли не въ самомъ необходимомъ, подвергая себя самымъ ужаснымъ лишеніямъ: ѣлъ лишь впроголодь, одѣвался очень плохо, — и въ этомъ отношеніи былъ живымъ контрастомъ всѣмъ своимъ соотечественникамъ, особенно же генуэзцамъ, любившимъ, да и теперь еще любящимъ, какъ извѣстно, одѣваться какъ можно роскошнѣе. Въ виду такихъ качествъ моего героя, его перестали

называть Эрмино ди-Гримальди, передѣлавъ его, каѳъ видите, не безъ основанія,—въ Эрмино д'Авариція *)...

Случилось какъ то, что въ Геную прѣхалъ одинъ знатный иностранецъ Гвильемо Борсиере, служившій при дворѣ одного изъ могущественнѣйшихъ королей, — человекъ, обладавшій прекрасными манерами и замѣчательнымъ остроуміемъ.

Гвильемо былъ однимъ изъ тѣхъ людей добраго стараго времени, которые являются прямой противоположностью во всемъ теперешнимъ нашимъ куртизанамъ, слѣдующимъ къ великому своему стыду отвратительнымъ порочнымъ нравамъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ и плутовъ, но считающіе себя людьми общества и чести,—въ дѣйствительности же это недостойные глупцы, воспитанные скорѣе въ грубомъ невѣжествѣ и самомъ отвратительномъ пороцкѣ, чѣмъ въ правилахъ чести и нравственности.

Да! Въ то время какъ прежніе дворяне всю свою жизнь отдавали честному, беззавѣтному служенію своей родинѣ и королю, то стараясь возстановить миръ, нарушенный возгорѣвшеюся между ихъ повѣлителями войною, либо распрями, и занимаясь дѣлами, возвышающими умъ и душу; то употребляя все свое усиліе къ тому, чтобы удержать подрастающее молодое поколѣніе отъ недостойныхъ честнаго имени страстей и пороковъ и клейма дурныя наклонности людей, забывающихъ свой долгъ и обязанность быть вѣрными защитниками и слугами своей родины и короля,—и все это за самое скудное вознагражденіе—теперешніе куртизаны только и дѣлаютъ, что сплетничаютъ другъ на друга; поселяютъ раздоръ и смуту и не только рассказываютъ всякія гадости, но, что еще ужаснѣе,—сами совершаютъ ихъ на глазахъ у всѣхъ; разглашаютъ не только правдивыя, но даже и ложныя, ими самими выдуманная тайны другихъ, ихъ горе и печали, рассказывая безъ всякаго стыда съ самымъ отвратительнымъ, грубымъ цинизмомъ самыя интимныя стороны жизни не только другихъ, но даже и своей собственной; наконецъ, наталкиваютъ благонамѣренныхъ людей путемъ ложныхъ обѣщаній на всякіе безчестные поступки, даже злодѣйства! И тотъ изъ этихъ жалкихъ, безстыдныхъ людей, который научился говорить болѣе другихъ мерзкія сальности и отважится на самое отвратительнѣйшее злодѣйство,—тотъ и пользуется въ настоящее время у нынѣшнихъ, такъ называемыхъ баръ, наибольшимъ почетомъ и уваженіемъ, тотъ превозносится ими выше всѣхъ! Стыдъ и позоръ нашему времени, создавшему такихъ людей-чудовищъ,—негодяевъ, которые, потерявъ всякую честь, погрузили въ непролазное болото, въ пучину самыхъ отвратительныхъ пороковъ!..

Однако я вижу, что справедливое негодованіе отвлекло меня слишкомъ далеко отъ главной нити моего разсказа! Прошу въ томъ вашего извиненія, друзья мои!

*) Avarizia—скупость.

Итакъ, возвращаясь къ начатому: я скажу, что генуэзцы очень уважали Гвильемо и охотно посѣщали его. Пробывъ въ Генуѣ нѣсколько дней и слышавшись о скупости и скряжничествѣ синьора Эрмино, Гвильемо захотѣлъ увидѣть его самъ. Первый также успѣлъ услышать о Гвильемо не мало хорошаго и такъ какъ, несмотря на всю свою скупость, сохранилъ еще въ глубинѣ своей души маленькую искорку благородства, — принялъ Борсиере весьма привѣтливо, съ радостной улыбкой на лицѣ и завелъ съ нимъ непринужденную бесѣду о томъ, о семъ.

Бесѣдуя съ нимъ, такимъ образомъ, онъ проводилъ своего гостя, вмѣстѣ съ другими, бывшими съ нимъ генуэзцами въ свой великолѣпный, только-что выстроенный домъ и, показавъ его своимъ гостямъ во всѣхъ подробностяхъ, обратился къ синьору Гвильемо съ такими словами:

— Скажите, синьоръ Гвильемо! Вы такъ много путешествовали по бѣлу-свѣту, видѣли такъ много прекраснаго! Не могли ли бы вы посовѣтовать мнѣ, чѣмъ бы такимъ особеннымъ, невиданнымъ украсить мнѣ этотъ залъ?

На это Гвильемо отвѣтилъ:

— Право такъ я затрудняюсь указать вамъ что-нибудь подобное! Что можно придумать невиданнаго?—Развѣ что чиханіе или что-либо въ этомъ родѣ! Впрочемъ, если вамъ угодно, я могъ-бы, пожалуй, посовѣтовать вамъ одну вещь, очень хорошую, хотя и не думаю, конечно, что бы вы никогда ея не видали!

— Что же это такое, синьоръ Гвильемо, — спросилъ ничего не подозревавшій скупердй?

— Прикажете изобразить на одной изъ стѣнъ «Щедрость», — отвѣтилъ не задумываясь Гвильемо!

Слова эти произвели на синьора Эрмино такое сильное впечатлѣніе, что, почувствовавъ стыдъ и угрызеніе совѣсти за свою скупость, — онъ внезапно весь точно преобразился:

— Синьоръ Гвильемо! — обратился онъ къ своему гостю, — я послѣдую вашему благому совѣту и изображу въ моемъ залѣ щедрость, при томъ такъ, что ни вы, ни кто-либо другой не въ правѣ уже будете сказать мнѣ, что я никогда ея не зналъ и не видѣлъ!

И Гримальди сдержалъ свое слово: съ той самой поры онъ сталъ самымъ щедрымъ и великодушнымъ изъ всѣхъ людей своего времени и не даромъ одинъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ не только среди своихъ соотечественниковъ, но и среди иностранцевъ.

Новелла IX.

Кипрекій Король.

Кипрскій король, задѣтый за живое нѣкоей дамой изъ Гасконьи, становится вдругъ изъ малодушнаго—рѣшительнымъ.

Не ожидая приказания королевы, веселая, жизнерадостная Элиза начала такъ:

— Нерѣдко, прелестныя мои дамы, случается, что то, противъ чего не помогаютъ ни упреки, ни частыя даже наказанія,—вдругъ, неожиданно достигается простымъ, подчасъ совершенно случайно сказаннымъ мѣткимъ словомъ. Случай такого рода, описанный такъ наглядно Лауреттой въ только что разсказанной новеллѣ, навелъ меня на мысль повѣдать вамъ другой, подобный же случай, происшедшій давно, давно тому назадъ на островѣ Кипрѣ. Дѣло было такъ:

Во времена перваго кипрскаго короля, вскорѣ послѣ покоренія Святой Земли Готфридомъ Бульонскимъ, одна знатная гасконка отпавилась на поклоненіе Святому Гробу Господню. Проѣзжая на обратномъ пути черезъ островъ Кипръ, она была жестоко оскорблена тамъ нѣсколькими циничными негодяями.

Не находя управы на нихъ у критскихъ судей, къ которымъ она обратилась, требуя достойнаго наказанія негодяевъ, оскорбленная дама рѣшается обратиться съ жалобой на нихъ къ самому королю.

Однако ей сказали, что обращаться къ королю съ такого рода жалобой прямо не стоитъ, что она только потеряетъ время, ничего отъ него не добившись, что, молъ, король отъ природы человѣкъ до такой степени ничтожный и малодушный, что не обращаетъ рѣшительно никакого вниманія не только на оскорбленія, наносимыя его подданнымъ, но даже сноситъ совершенно хладнокровно, какъ презрѣнный трусъ, самыя жестокія оскорбленія, наносимыя ему самому. Что потому, слышь да рядомъ человѣкъ, имѣющій по какому-либо поводу зубъ, не только противъ короля, но и вообще противъ кого бы то ни было,—отправляется ничтоже сумняшея

къ королю и самымъ безцеремоннымъ образомъ вымещаетъ на немъ всю свою злобу, совершенно безнаказанно оскорбляя его на словахъ, а то подчасъ и дѣйствиємъ.

Услыхавъ такіе рассказы о королѣ, бѣдная дама, потерявъ окончательно надежду быть отомщенной за произведенное надъ ней насиліе, но все еще не будучи въ состояніи успокоиться и пережить своего позора, тѣмъ не менѣе все-таки рѣшается отправиться къ королю, чтобы хоть выместить на немъ свою безсильную злобу и пристыдить его за его отвратительное малодушіе.

Придя къ королю, вся въ слезахъ, она обращается къ нему съ такого рода словами:

— Государь! Я пришла къ тебѣ, конечно, не для того, чтобы искать у тебя защиты и требовать отомщенія за нанесенное мнѣ недостойное оскорбленіе. Я знаю, что ты не можешь мнѣ дать ни того, ни другого. Я прошу тебя объ одномъ лишь: научи меня, какъ ты дѣлаешь, чтобы быть въ состояніи сносить хладнокровно все оскорбленія, которыя, какъ я слышала, считаютъ своимъ долгомъ наносить тебѣ твои вѣрные подданные. Не откажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть въ этой незначительной просьбѣ, дабы я, беря въ этомъ отношеніи достойный примѣръ съ тебя, достойнѣйшаго изъ царей, сумѣла спокойно снести жестокое оскорбленіе, нанесенное мнѣ! Видитъ Богъ, я не скупа и, если бы то было въ моей власти, охотно уступила его тебѣ, благо ты умѣешь такъ хорошо и такъ спокойно переносить ихъ.

Слова эти произвели на короля такое сильное впечатлѣніе, что, вдругъ, точно проснувшись отъ долгаго непробуднаго сна, — онъ рѣшаетъ дѣйствовать. Приказавъ дать немедленно же полное удовлетвореніе оскорбленной дамѣ и строго наказать виновныхъ, онъ съ той поры измѣняется совершенно въ обратную сторону. Король сталъ неуклонно преслѣдовать самымъ рѣшительнымъ образомъ всякія оскорбленія, наносимыя не только ему самому, но и вообще кому бы то ни было, и строго наказывать виновныхъ въ нихъ.

Новелла X. ✓

Влюбленный старикъ.

Докторъ Альберто изъ Болоньи заставляетъ краснѣть одну даму, которая вздумала пристыдить его за то, что онъ воспылалъ къ ней страстью.

Элиза умоляла... Теперь оставалась очередь за самой королевой, которая должна была закончить новеллы перваго дня своимъ послѣднимъ рассказомъ. Она начала такъ:

Друзья мои! Подобно тому какъ звѣзды являются украшеніемъ неба въ ясныя ночи, а цвѣты луговъ и полей въ весеннюю пору, — такъ мѣткое сказанное слово украшаетъ наши поступки и рѣчи... Остроумное слово болѣе приличествуетъ намъ — женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ, особенно если оно кратко. Въ наше время, къ сожалѣнію, очень мало или даже вовсе, пожалуй, нѣтъ такихъ женщинъ, которыя поняли бы такое мѣткое слово, а если бы даже и поняли, — то сумѣли бы дать на него остроумный отвѣтъ. Я говорю это къ общему стыду всѣхъ женщинъ, въ томъ числѣ и нашему, такъ какъ и мы не являемся, конечно, счастливымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила. Но, вѣдь, были же раньше такія женщины?! Отчего же не стало ихъ теперь?! А потому, что все то, что въ прежней женщинѣ украшало ея умъ, идетъ теперь на наружныя украшения; на разныя тряпки, бантики, рюшики и т. п. Дѣло дошло такимъ образомъ до того, что теперь всякій мужчина считаетъ чуть ли не священнѣйшимъ своимъ долгомъ преклоняться больше всего передъ той женщиной, которая надѣнетъ на себя какъ можно болѣе пестрыхъ дорогія платья, совершенно забывая при этомъ о томъ, что, вѣдь, и бревно и оселъ

могутъ выдержать еще больше всего этого, чѣмъ любая изъ женщинъ и что, слѣдовательно, женщину вовсе нѣтъ никакого основанія уважать по одному этому больше, чѣмъ хотя бы того же самаго осла! Мнѣ стыдно, тяжело признаться во всемъ этомъ, потому что, говоря о другихъ женщинахъ, я задѣваю въ то же время и васъ, и себя самое. И вотъ, эти разряженныя, разукрашенныя, часто даже разуряженныя женщины, стоять, точно мраморныя статуи,—безгласныя и безмолвныя; а если даже и отвѣтятъ на обращенный къ нимъ вопросъ, то такъ, что лучше бы было, если бы совсѣмъ не отвѣчали! Онѣ стараются увѣрить всѣхъ и каждаго, будто ихъ неспособность поддержать серьезный разговоръ съ мужчиной, происходитъ отъ чистоты ихъ души и природной застѣнчивости: т. е. глупость свою называютъ, такимъ образомъ, невинностью, какъ будто бы та только женщина и порядочна, что умѣетъ говорить со своей горничной, прачкой, либо кухаркой!.. Онѣ хотятъ, какъ видите, убѣдить всѣхъ въ томъ, что такъ создала ихъ сама природа.

Но если бы дѣло было дѣйствительно такъ, то, вѣдь, развѣ бы эта самая природа не позаботилась бы съ этой цѣлью прежде всего о томъ, чтобы хоть нѣсколько умѣрить ихъ болтливость?!.. Правда, что въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ ему подобныхъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, съ кѣмъ женщина говоритъ, гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ,—такъ какъ нерѣдко случается, что тотъ, кто имѣлъ въ виду поразить мѣткимъ словомъ другого, не соразмѣривъ своихъ силъ въ этомъ отношеніи съ силами своего противника,—можетъ самъ очутиться въ такомъ же, а то и въ болѣе непріятномъ положеніи, получивъ въ отвѣтъ на свое «мѣткое» слово—другое, еще болѣе мѣткое и тонкое.

И вотъ, для того чтобы вы научились быть осторожными; чтобы и на васъ не отразилось существующее мнѣніе о томъ, будто всѣ теперешнія женщины становятся все хуже и хуже во всѣхъ отношеніяхъ,—я хочу, чтобы послѣдняя сегодняшняя новелла, которую мнѣ остается разсказать, дала вамъ возможность понять, что женщины, особенно же такія, какъ вы, стояція выше многихъ другихъ по своему рожденію, должны быть выше и по внутреннимъ своимъ качествамъ: уму и манерамъ!

Не такъ давно тому назадъ проживалъ въ Болоньѣ одинъ замѣчательный врачъ. Его звали Альберто. Слава о немъ распространена была далеко за предѣлами не только его страны, но и всей Европы. Сохранилась она, думаю, и до сегодняшняго дня, хотя самого Альберто нѣтъ уже въ живыхъ. Онъ былъ уже старъ: ему было подъ шестьдесятъ. Хотя онъ и успѣлъ уже утратить пылъ тѣлесныхъ страстей, зато сохранилъ вполне всю свѣжесть ума и бодрость духа не менѣе любого юноши.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ безумно влюбился въ за-

мѣчательную красавицу, — молодую вдову, нѣкую Маргариту деи-Чизольери (такъ звали ее, если не ошибаюсь), съ которой встрѣтился на одномъ торжествѣ; влюбился, какъ говорится, по уши, какъ мальчишка.

Охватившее всего его чувство и пылкая страсть не давали ему покою ни днемъ, ни ночью: онъ не могъ заснуть, прежде чѣмъ ему не удавалось увидѣть прелестнаго личика предмета своей страсти. И вотъ онъ сталъ прогуливаться каждый день передъ домомъ своей возлюбленной, то пѣшкомъ, то верхомъ, — на лошади.

Въ концѣ концовъ и сама вдова, и подруги ея обратили вниманіе на эти постоянныя путешествія влюбленнаго старца то взадъ, то впередъ передъ окнами и догадались о причинѣ ихъ. Онѣ стали смѣяться надъ тѣмъ, что такой «старикашка» да вдругъ влюбился! — точно это божественное чувство любви только и можетъ родиться въ пустыхъ головахъ юнцевъ и не можетъ проникнуть въ зрѣлое сердце!

Между тѣмъ каждодневныя прогулки Альберто передъ окнами возлюбленной продолжались по прежнему.

Какъ-то разъ молодая вдова, сидя вмѣстѣ съ нѣсколькими своими подругами на крыльцѣ своего дома, издали увидѣла приближавшагося въ ихъ сторону влюбленнаго. Она быстро сговорила съ ними пригласить къ себѣ Альберто, принять его какъ можно лучше и затѣмъ подшутить надъ нимъ и надъ его страстью.

Сказано-сдѣлано.

Прождавъ, пока докторъ не поровнялся съ домомъ, онѣ встали, остановили его и пригласили зайти. Альберто принялъ приглашеніе. Дамы усадили его въ тѣнистомъ саду, рядомъ съ собою, стали угощать его тонкими винами и всякими сластями. Наконецъ, мало по малу, подошли и къ главной дѣлѣ своей затѣи и начали подтрунивать надъ нимъ, удивляясь какъ это могло такъ случиться, что такой старикъ могъ влюбиться въ прелестную даму, за которой, какъ извѣстно, ухаживаетъ дѣлая толпа красивыхъ, знатныхъ молодыхъ людей?!

Докторъ, понявъ насмѣшку, улыбнулся и обратился къ самой вдовѣ съ такою рѣчью:

— Сударыня! Всякую умную женщину, особенно же васъ, ве должно, мнѣ кажется, удивлять, что такой старый человѣкъ, какъ я, влюбился въ васъ, тѣмъ болѣе, что вы вполне достойны этого чувства. Понятно само собою, что люди моего возраста лишены тѣхъ силъ, которыя необходимы для любовныхъ дѣлъ! Зато у насъ не отняты: ни способность жаждать этой любви, ни способность распознавать, что достойно ея и что нѣтъ! Даже болѣе того: въ этомъ отношеніи мы — старики стоимъ выше молодежи, такъ какъ гораздо опытнѣе ея въ этомъ! Что же касается, затѣмъ, вопроса о томъ, на чемъ основана моя надежда, несмотря на то, что я уже старъ, любить васъ, быть можетъ, взаимно, — васъ, которая окружена столькими молодыми, полными силъ поклонниками, — то скажу вамъ вотъ что:

— Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ женщины ѣдятъ за завтракомъ лушину и порей. Въ порей, вообще, нѣтъ рѣшительно ничего хорошаго; но все же наименѣ невкусная и неприятная часть его есть нижняя—самая луковица. Между тѣмъ всѣ вы, женщины, по какому то непонятному для меня извращенію вкуса, берете его за эту луковицу и ѣдите верхнюю часть его, именно листья, т. е. какъ разъ то, что не только никуда не годится, но даже прямо неприятно на вкусъ!

— Почему знать, сударыня, не поступите ли вы точно такъ же и при выборѣ своихъ обожателей?! А если такъ, то именно меня должны бы вы были избрать, другихъ же отвергнуть.

Вдова и ея подруги покрасѣли при этихъ словахъ отъ стыда.

— Докторъ!—обратилась къ Альберто хозяйка дома:—своей рѣчью вы сумѣли тонко проучить насъ за наше высокомеріе и глупость, за нашу попытку посмѣяться надъ вами! Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ сказать вамъ, что любовь ваша ко мнѣ, какъ любовь умнаго, честнаго человѣка,—для меня дорога!.. Потому можете располагать моимъ чувствомъ и мной самой, какъ своей вещью, конечно, согласно правиламъ чести!

Альберто всталъ, поблагодарилъ за честь хозяйку и, распрощавшись съ ней и со всѣми прочими дамами,—ушелъ.

Такимъ образомъ, красавица, не узнавъ предварительно того, надъ кѣмъ вздумала посмѣяться;—вмѣсто того чтобы побѣдить своего противника, оказалась сама же побѣжденной имъ.

— Совѣтую и вамъ, дражайшія мои подруги, если не хотите очутиться въ подобномъ же положеніи, поступать болѣе осмотрительно, узнавъ предварительно человѣка, съ которымъ вамъ придется имѣть дѣло!

Солнце склонялось уже къ закату, жара успѣла спастись,—когда дамы и трое молодыхъ людей окончили свои повѣсти.

Королева поднялась съ своего мѣста и обратилась къ своимъ поданнымъ съ слѣдующими милостивыми словами:

— Друзья мои! Сегодня, въ день моего правленія, мнѣ остается еще выполнить одну весьма важную задачу—это дать вамъ новую королеву, которая по собственному своему усмотрѣнію будетъ располагать и своимъ и нашимъ временемъ ко всеобщему удовольствію... До конца дня остается уже немного времени. Тотъ, кто не позаботится обо всемъ необходимомъ во время, можетъ очутиться потомъ въ весьма затруднительномъ положеніи. Поэтому, дабы всякая новая королева успѣвала сдѣлать всѣ необходимыя по ея мнѣнію распоряженія относительно слѣдующаго дня и чтобы всѣ они могли быть въ точности во время исполнены,—я предлагаю начинать наши дни съ вечера! Посему, ми-

люстію Того, Кѣмъ зиждется все живущее, считаю за благо избрать королевой на завтрашній день нашу умницу Филомену.

Сказавъ это, она сняла съ себя лавровый вѣнокъ, возложила его торжественно на голову новой королевы и первая, какъ простая подданная поздравила ее съ восшествіемъ на престоль. Примѣру Пампиней послѣдовали и всѣ прочіе дамы и кавалеры, восторженно привѣтствуя свою новую повелительницу.

Филомена, раскраснѣвшаяся отъ смущенія и отъ радости видѣть себя коронованной особой, прійдя мало по малу въ себя и вспомнивъ слова, сказанныя своею предшественницей при ея восшествіи на престоль,—прежде всего утвердила всѣхъ въ прежнихъ должностяхъ, а затѣмъ распорядилась приготовленіемъ всего необходимаго на слѣдующій день.

Сдѣлавъ все это, она обратилась къ подданнымъ маленькаго своего царства съ такою рѣчью:

— Друзья мои! Я понимаю, что Пампиней избрала меня вашей королевой скорѣе по неизрѣченной своей милости, чѣмъ за достоинства мои! Поэтому я не собираюсь навязывать вамъ своихъ безапелляціонныхъ законовъ, а хочу посоветоваться обо всемъ со всѣми вами: для того же, чтобы вы знали мой личный взглядъ на это, дабы имѣть, такимъ образомъ, возможность прибавить что-либо отъ себя, либо, наоборотъ, отвергнуть, что вамъ можетъ показаться неудобнымъ, я выскажу его вамъ въ краткихъ словахъ.

— Образъ дѣйствій моей предшественницы, равно какъ и всѣ ея распоряженія относительно способа нашего времяпрепровожденія, достойны, по моему мнѣнію, безусловной похвалы! Въ виду этого я лично не полагаю бы нужнымъ измѣнять все принятое нами до сихъ поръ, впрочемъ, до тѣхъ поръ, конечно, пока теперешній образъ жизни нашей и нашихъ занятій не успѣетъ намъ надобѣть. Итакъ намѣчу въ краткихъ словахъ предлагаемую мною программу для моего правленія:

— По окончаніи настоящаго совѣщанія мы отправимся на нѣкоторое время отдохнуть; затѣмъ, когда солнце начнетъ заходить,—поужинаемъ на свѣжѣмъ воздухѣ; послѣ ужина потанцуемъ немножко, будемъ пѣть, играть и, наконецъ, пойдемъ спать. Завтра встанемъ пораньше, пока солнце не успѣетъ еще подняться слишкомъ высоко и каждый изъ насъ отправится куда кому вздумается, занимаясь чѣмъ ему угодно, а затѣмъ, какъ и сегодня вернемся къ опредѣленному часу къ обѣду. Послѣ обѣда отдохнувъ немного, потанцуемъ съ часокъ, да попоемъ, а затѣмъ примемся, по примѣру сегодняшняго дня, за наши новеллы. Занятіе это доставляетъ всѣмъ намъ, если не ошибаюсь, большое удовольствіе, да кромѣ того оно, по моему, очень полезно для насъ! Наконецъ, мнѣ остается закончить свою рѣчь еще однимъ, весьма важнымъ, по моему мнѣнію, предложеніемъ, котораго Помпиней не успѣла сдѣлать, такъ какъ была выбрана королевой слишкомъ поздно! Дѣло вотъ въ чемъ: яимѣю въ виду ограничить разсказываемыя нами новеллы одной какой либо, за-

ранѣ избранной темой: это внесетъ въ наше дѣло больше порядка, дабы каждый изъ насъ, зная тему, на которую придется разсказывать, былъ въ состояніи заранѣ обдумать свой разсказъ. Отъ самаго сотворенія міра и вилоть до нашихъ дней люди всегда были игрушкой судьбы; будутъ ею и до конца его, претерпѣвая до конца своихъ дней всѣ превратности судьбы. И вотъ, я предлагаю на завтрашній день такую тему нашихъ новеллъ: пусть каждый изъ насъ разскажетъ въ своей повѣсти о томъ, какъ люди, испытавъ разныя невзгоды и претерпѣвъ всевозможные удары судьбы, достигли въ концѣ концовъ, сверхъ всякаго ожиданія, самаго пріятнаго результата!

И дамы, и кавалеры вполнѣ одобрили все сказанное королевой и дали слово неуклонно слѣдовать ея указанію.

Только Діонео, когда всѣ замолчали, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Королева! Я такъ же, какъ и всѣ остальные, вполнѣ одобряю отданное вами приказаніе и предложенный общій планъ! Но прошу у васъ, въ видѣ особой милости, избавить меня на все время, пока будетъ продолжаться нашъ союзъ, отъ обязанности разсказывать повѣсть непременно на заданную тему, даровавъ мнѣ право разсказывать то, что мнѣ самому вздумается. Для того же, чтобы никто не подумалъ, что я ходатайствую объ этой милости передъ вами изъ боязни, что мнѣ нечего будетъ разсказывать,—я прошу вашего разрѣшенія разсказывать мою новеллу всегда послѣднимъ!

Королева, зная Діонео за человѣка веселаго и остроумнаго, поняла, что тотъ проситъ объ этой милости для того, чтобы, въ случаѣ если вниманіе всего общества утомится слушаніемъ новеллъ на одну какую-либо тему,—развеселить всѣхъ какой-нибудь веселой повѣстью;—поэтому дала ему съ общаго согласія просимую льготу. Затѣмъ все общество, съ королевой во главѣ, медленно направилось къ небольшой рѣчкѣ, катившей прозрачныя воды свои съ горы, черезъ скалы и зеленныя лужайки, въ долину, обрамленную тѣнистыми деревьями. Дамы, а за ними и молодые люди, разувшись, вошли въ воду и стали рѣзвиться въ ней. Когда же наступило время ужина, они вернулись всей гурьбой домой, веселые и жизнерадостные и съ аппетитомъ поужинали. Послѣ ужина приносили музыкальные инструменты и королева предложила потанцовать—поручивъ Лауреттѣ держировать танцами. Та тотчасъ, конечно, согласилась и танцы начались. Тѣмъ временемъ Эмилія прогѣла съ большимъ огнемъ, подъ аккомпаниментъ лютни слѣдующую пѣсенку:

Я влюблена такъ пылко, такъ безумно,
Въ свою красу, въ царя любви своей;
Что никогда, о нѣтъ, другое чувство
Проснуться не могло-бъ въ душѣ больной моей!

Гляжу ли на себя я въ зеркало,—отрадно
 Становится и сердцу и уму:
 И знаю я никто: ни новыя видѣнья,
 Ни прежнія мечты, ни страсть, ни вождѣленья,—
 Не пробудятъ во мнѣ другого наслажденья!

Нѣтъ, знаю я,—никто не въ силахъ никогда
 Достигнуть, чтобъ его бы полюбила я!

Желаніе-ль придетъ налюбоваться вдоволь
 Своей красой,—я зеркальце возьму:
 И образъ свой и ласковый и нѣжный,
 Я вижу предъ собой, доколь того хочу!
 Вамъ не понять такого наслажденья!
 Не передать его ни словомъ, ни движенъемъ!
 Нѣтъ, знаю я,—никто не въ силахъ никогда
 Понять того, что такъ влечетъ меня!

А страсть моя влечетъ меня все далѣ;
 Я съ каждымъ днемъ люблю все страстнѣй, все нѣжнѣй!
 Чѣмъ больше отдаюсь порыву, тѣмъ отраднѣй
 Становится душѣ измученной моей!
 Такъ мнѣ легко, такъ сладостно, такъ чудно!
 Хотѣлось бы до дна всю чашу мнѣ испить!
 Нѣтъ! Знаю я: никто не въ силахъ никогда
 Понять того, что испытала я!

Пѣсенка кончилась. Всѣ весело подпѣвали ей, хотя нѣкоторые изъ присутствующихъ и задумались надъ ея словами. Затѣмъ еще нѣкоторое время потанцовали. Между тѣмъ наступила ночь и королева предложила закончить танцы. Зажгли факелы и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

